

Квантовое зеркало

Автор:

[Дуглас Ричардс](#)

Квантовое зеркало

Дуглас Ричардс

Кибертриллер

Дуглас Ричардс – легенда современного технотриллера. Критики в один голос называют его автором, который не только с успехом продолжает лучшие традиции основателей жанра, но и сумел завести в нем новую моду. «Квантовое зеркало» – показательный образец фантазии и мастерства Ричардса.

Это все-таки произошло. Наука обнаружила закон мироздания, физически связывающий сознание с материей Вселенной. Теперь некоторые могут силой мысли влиять на порядок вещей. Однако первооткрыватель совершил ошибку и создал из подопытного человека чудовище невероятной мощи. Всесильный монстр пока не начал перекраивать мир под себя и стирать миллионы людей с лица земли лишь по одной причине – он абсолютно уверен, что его создатель еще сильнее. Но недалек день, когда наемники самопровозглашенного божества доложат: это не так...

Дуглас Ричардс

Квантовое зеркало

© Смирнова М.В., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Пролог

Абдул Салиб проехал восточный пригород Алеппо, самого большого города Сирии, – который сейчас, в очередной раз за множество циклов, миновавших за восемь тысяч лет, был густо населен, – и свернул на узкую дорогу, тянущуюся через пустыню. Лагерь, куда направлялся Салиб, располагался всего в тридцати минутах езды. Не считая звука мотора внедорожника и посвиста воздуха, обтекающего машину, Салиб и двое его товарищей ехали в полной тишине.

Адова пустыня являла собой бесконечное море песка и пустоты, и это пробуждало в душе Салиба инстинктивное чувство беспокойства. Хотя прогресс человечества до изрядной степени обуздал силу этих засушливых земель, путь через жгучие пески усиливал ощущение некой обреченности, которое и без того нависало над тремя людьми в машине.

Салиб понятия не имел, с чем им предстоит столкнуться. Но он слышал кое-что – невозможное, пугающее.

Он знал, что его выбрали для этого задания из-за того, что он отличался высоким интеллектом и рассудительностью, а также не был подвержен суевериям и религиозному фанатизму. И все же, учитывая то, что он слышал, его обычное спокойствие и решительность мало-помалу отступали под напором ползучего страха, от которого он никак не мог отделаться.

У Омара Хаддада, человека, с которым они собирались встретиться, не было никакого видимого прошлого. Он был никем. Не более примечательным, чем любой другой человек из многомиллиардного населения земного шара – из тех людей, которые проживали свою незначительную жизнь, не оставив ни малейшего следа на песках времени. Но вдруг, за один только шаг, следы Хаддада из неразличимых отпечатков превратились во вмятины размером с кратер. Какой же величины они станут в дальнейшем?

И чего он желает? Каким путем он так быстро обрел столь грозную силу?

Салиб свернул с дороги и остановил джип рядом с несколькими десятками машин, припаркованных на импровизированной стоянке, в которую был превращен этот кусочек пустыни – такой же, как и вся прочая пустыня. В пятидесяти ярдах отсюда располагалась цель их пути – лагерь, раскинувшийся возле крупного оазиса. Лагерь представлял собой десятки вместительных шатров, в которых жили истовые последователи человека, расположившегося в самом большом из этих шатров в центре поселения. Его шатер был столь огромен, что мог бы служить жильем сотне человек.

Или одному-единственному человеку, претендующему на звание бога.

Человеку, который быстро становился опасным. Учение Омара Хаддада распространялось словно вирус – чрезвычайно заразный вирус. Его последователи были фанатичными и упорными, к тому же боялись того, что, если они предадут его, он обрушит на них ужасное возмездие. Он считал себя не просто пророком, а божественным существом. Рукой Аллаха.

Омар Хаддад сумел привлечь последователей, которые были так безраздельно преданы ему, и их число росло так быстро, что это привлекло пристальное внимание нового президента Сирии, Халила Наджара. Внимание и беспокойство Наджара стали еще сильнее, когда президент предпринял шаги к расследованию происходящего. Никакие угрозы не могли испугать последователей Хаддада. Наджар лично наблюдал за тем, как пытали нескольких из них, но они отказались отвергнуть Хаддада, ибо иначе они потеряют достойное место в посмертии.

Вера этих фанатиков была настолько глубокой и безраздельной, что Наджар и правящая партия поняли: им нужно быстро остановить Хаддада. Если эту эпидемию не обуздать, все будет потеряно.

Президент Наджар был безжалостным человеком с почти неограниченной властью и имел все основания ожидать, что контроль над ситуацией будет быстро восстановлен. Да, Хаддад начинал доставлять беспокойство, но Наджар мог уничтожить его одним щелчком пальцев.

Поэтому он отправил эмиссара, дабы тот объяснил Омару Хаддаду: его претензии на то, что он является пророком, мессией или, более того, рукой Всевышнего, святотатственны и недопустимы. Что его орды ярых поклонников

следует вернуть на путь истинный. Что Хаддаду следует признать себя обычным человеком, точнее, обычным шарлатаном, иначе его ждет смерть.

Эмиссар Наджара совершил паломничество к тому самому шатровому стану, на который Салиб сейчас взирал с некоторого отдаления. Паломничество, которое за последние месяцы предпринимали многие и многие – в те дни, которые Хаддад назначил для приема тех, кто взыскует веры. Лидер культа обитал в своем лагере без всякой защиты, и посетителей не обыскивали, не проверяли, нет ли при них оружия.

У Салиба не было сомнений в том, что самоуверенность Хаддада производила впечатление на его влиятельных гостей. А простой стан в пустыне, у границы оазиса, был искусной театральной постановкой. Если хочешь пробудить религиозное рвение, ничто не воскресит дни Пророка Мухаммеда лучше, чем жизнь простого человека в белом шатре, без охраны, когда с одной стороны расстилается адская пустыня, а с другой – над водами источника колышется роскошная листва пальм.

Эмиссар, которого Наджар послал убедить Хаддада пойти на попятную, располагал огромной силой, и ему даны были указания пустить эту силу в ход, если Хаддад заупрямится. Наджар имел все основания ожидать, что глава культа окажется несговорчивым, учитывая всю бредовость его идей, и надеялся, что слышит о нем в последний раз.

К сожалению, дело обернулось совсем иначе. В последний раз Наджар слышал отнюдь не об Омаре Хаддаде, а о собственном эмиссаре. Ни один человек из эмиссарского отряда не вернулся. И никто не имел ни малейшего представления о том, что с ними случилось.

Тогда Наджар послал еще один отряд – большей численностью и лучше вооруженный, с наказом пустить это оружие в ход немедленно; они были извещены о судьбе первого посольства и предупреждены, что нельзя терять бдительности ни на миг. Их тоже гостеприимно препроводили в «Бермудский треугольник», каким представлялся шатер Хаддада. И о них с той минуты тоже ничего не было слышно.

Больше всего Наджара злило то, что Хаддад полностью игнорировал его – даже не связался с ним, чтобы выразить свой гнев или недовольство. Как будто

посланные отряды были мелкими мошками, которых Хаддад прихлопнул, едва заметив, и продолжил делать свое дело, явно ничуть не тревожась о том, что предпримет президент Наджар в связи с исчезновением его эмиссаров.

Но, несмотря на всю театральность жизни в шатре посреди открытого лагеря, Хаддад намеревался перебазироваться в более укрепленное место. Недавно он приобрел роскошное поместье, некогда принадлежавшее богатейшему из жителей Сирии: оно занимало десятки акров земли и было обнесено современной защитным периметром.

Пока что Наджар не препятствовал усилиям Хаддада по возведению оплота. Не имело значения, насколько прочна будет крепость Хаддада: она не спасет его от прославленной сирийской авиации. Не выстоит против ковровой бомбардировки и налета реактивных истребителей: что мог религиозный лидер противопоставить их пушкам и снарядам?

Салиб нахмурился. С другой стороны, было вполне вероятно, что влияние Хаддада уже проникло в армию и что его преданные последователи в вооруженных силах перехватят любой приказ о его уничтожении – и последствия этого непредсказуемы. Президент Наджар отлично понимал, что попытка решить дело силой может обратиться против него самого.

Поэтому на сей раз Наджар выбрал иной подход. Мирный. Он был в замешательстве и хотел понять, что же именно ползет, подобно чуме, из лагеря в пустыне. Поэтому теперь он послал Салиба. С предложением мира. И без оружия.

Салиб и два его спутника подошли ко входу в шатер – по сторонам от входа стояли два последователя Хаддада в белых одеяниях. Салиб представился этим людям, назвал своих спутников и объяснил, что ищет совета Великого – так его проинструктировали. Один из мужчин в белом вошел в шатер и вернулся лишь несколько минут спустя, жестом пригласив визитеров внутрь.

Салиб оглянулся на своих спутников – оба они были так мрачны, словно собирались спрыгнуть в яму, полную скорпионов, – и с трудом сглотнул.

Они вошли в шатер, а послушники Хаддада остались снаружи и закрыли входной полог. В тридцати футах впереди, у стены шатра, в полном одиночестве стоял

Хаддад в безупречно белом бурнусе и головном покрывале-куфии. Его темная борода была коротко и аккуратно подстрижена, и весь он словно бы излучал чистоту и безыскусность. Он едва ли не светился – как этой безукоризненной белизной, так и ошеломляющей самоуверенностью, словно сочащейся из каждой поры его кожи.

У входа в шатер и по четырем его углам размещались белые мраморные постаменты, на каждом из которых стояла золотая клетка с крошечной птичкой – оперение их было желтым или оранжево-красным. Салиб задумался, не были ли эти птицы каким-либо религиозным символом, однако времени на дальнейшие размышления у него не было.

Он и двое его спутников представились, и Омар Хаддад окинул их взглядом – судя по всему, он спешил перейти сразу к делу.

– Мы благодарим тебя за то, что позволил нам лицезреть тебя, э-э... Великий, – произнес по-арабски Салиб, чуть поклонившись. – Как мы и сказали твоим ученикам, мы – посланники президента Наджара.

Хаддад безмятежно улыбнулся.

– На этот раз никакого оружия? – с легким удивлением поинтересовался он.

Салиб улыбнулся в ответ:

– Никакого оружия, Великий. Мы пришли с миром. Прости мое невежество, но должным ли образом мы именуем тебя? Нам сказали, что обращение «Великий» вполне приемлемо. Однако нам известно также, что многие из твоих последователей называют тебя Махди или же Двенадцатым Имамом[1 - Махди? – в исламе: последний преемник пророка Мухаммеда, мессия, который появится перед концом света. отождествляется с двенадцатым имамом, последним духовным лидером мусульман.]. Желает ли ты, чтобы к тебе обращались именно так?

Хаддад покачал головой:

– Нет. Я не Махди, я превыше оного. Однако я могу понять ложные убеждения моих сторонников в том, что во мне заключен дух Махди. Я Длань Аллаха. Но вы можете называть меня просто Аль-Йад. «Великий» – тоже вполне приемлемо.

Салиб кивнул. «Аль-Йад» и означало «длань». Еще один милый показательный штришок. Этот человек явно не страдает заниженной самооценкой.

Вдобавок Салиб оценил смелость и творческий подход Хаддада при создании нового божественного титула – совершенно нового, а не заимствованного из древних пророчеств. Хаддад не стал утверждать, что он Махди, Вдохновленный Свыше, которого многие считали мессией. Существовало слишком много различных интерпретаций этого пророчества. И выдать себя за Аллаха он, конечно же, не мог. Поэтому решил создать для себя отдельную нишу в мифологии, где-то посередине между этими двумя сущностями.

– Прости меня, Великий, – продолжил Абдул Салиб, – но я хотел бы перейти сразу к цели нашего визита.

Стоящий перед ними человек кивнул.

– Мы здесь ради того, чтобы спросить о твоих намерениях. Буду прям: каковы твои цели, Аль-Йад? Чего ты пытаешься достигнуть? Чего ты хочешь?

Холодная, безрадостная улыбка скользнула по губам Аль-Йада.

– Чего я хочу? Чтобы меня оставили в покое, дабы я мог и дальше возводить свой храм. Я не враг вам. Я хочу собрать всех верующих, а затем, в положенное время, истребить всех неверных. Я превращу улицы городов, где обитают нечестивые, в алые реки крови, а затем и сами города – в дымящиеся груды пепла. Только истинные последователи ислама избегнут гибели.

Что означало – истинные последователи самого Хаддада, Салиб это понимал. Он заметил также, что Хаддад начал вещать языком древних писаний: «возводить свой храм», «нечестивые». Этот человек был настоящим фанатиком.

Но Салиб слышал всякое... В эти рассказы было трудно поверить, однако не менее трудно было поверить в то, что столько людей последовало за Хаддадом

лишь из-за его харизмы и умения создавать театральные эффекты. А исчезновение двух вооруженных отрядов было отличным фокусом, который был не под силу даже лучшим иллюзионистам Вегаса.

Салиб не стал оглядываться по сторонам, чтобы увидеть реакцию своих спутников. Они присутствовали здесь лишь как свидетели происходящего, дополнительные глаза и уши, и им было велено молчать, пока к ним не обратятся. Это было сольное шоу Салиба.

Он откашлялся.

– Это весьма похвальные цели, Аль-Йад, – произнес он. – Хвала Аллаху. Однако в то же время ты должен понимать, почему они могут доставить проблемы президенту Наджару. Трудно править страной, когда кто-то другой царит в сердцах и умах столь огромного множества людей.

Аль-Йад пожал плечами, но ничего не сказал. «Не мои проблемы», – говорил его жест.

– Присоединись к нам, Аль-Йад. Президент Наджар готов сделать тебя своим заместителем. Законным духовным вождем. Он готов позволить тебе продолжать возводить свой храм.

– Позволить мне? – резко бросил Аль-Йад.

– Прости, о Великий, – немедленно отозвался Салиб. – Я неточно выразился. Я хотел сказать, что он готов помогать тебе и поддерживать тебя в дальнейших твоих благословенных трудах. Вместе вы сможете добиться лучшей жизни для себя, для нашей любимой страны и нашей веры.

– Я Длань Аллаха, – коротко ответил Хаддад. – Какая помощь может быть мне нужна?

– Никакая, о Аль-Йад. Однако, при всем твоим могуществе, это превосходное предложение. Быть заместителем правителя всей Сирии.

– Скоро я буду правителем всего мира. Мира, очищенного от неверных и перекроенного по моему желанию. С тем же успехом твой президент мог бы предложить мне должность метельщика.

Абдул Салиб с трудом сглотнул:

– Следует ли мне передать президенту, что ты отвергаешь его предложение, Аль-Йад?

– Следует.

Салиб подумал о том, что могло случиться с прошлыми двумя посольствами, которые принесли с собой оружие и почти наверняка пытались пустить его в ход. Потом попытался отделаться от воспоминаний о некоторых слышанных им историях об этом человеке. Пока что их разговор протекал мирно, однако Салиб был испуган как никогда в жизни. И дело было не только в слухах. От Хаддада исходила явная угроза, как будто он мог одним движением руки оборвать их жизни – будь на то его воля.

В шатре было прохладно, однако по телу Салиба под церемониальными одеяниями струился обильный пот. У него было четкое ощущение того, что его жизнь сейчас зависит от верного выбора слов. От того, как он сможет высказать послание Наджара – то послание, которое ему было велено передать в том случае, если Омар Хаддад отвергнет предложение президента. Впрочем, в любом случае это предложение было лишь уловкой. Если бы Хаддад согласился, Наджар лишь притворился бы, будто наделяет его реальной властью, внимательно изучил бы его, чтобы понять, каким способом будет лучше избавиться от новоявленного «пророка».

– Президент будет... э-э... разочарован, о Великий. Я лишь скромный посланник, конечно же, но я не могу гарантировать, что он не воспримет это как... личное оскорбление.

– Пусть.

– Если он примет твой отказ за оскорбление, Аль-Йад, он может пожелать свершить возмездие.

Хаддад широко улыбнулся.

– Он может желать чего угодно. Но он лишь человек, – с презрением прошипел он. – А я превыше всякого возмездия, что он может обрушить. Разве я не Длань Аллаха? – требовательно спросил он. Обычно невозмутимый Салиб вздрогнул.

– Поистине, это так, о Великий.

Мысленно Салиб сделал глубокий вдох и попытался унять дрожь в голосе – хотя это неожиданно оказалось труднее, чем он готов был признать.

– Еще раз прошу твоего прощения, Аль-Йад. Но было бы нечестно с моей стороны не напомнить о том, что президент Наджар контролирует сирийскую авиацию. Это, конечно, лишь гипотетический вопрос, но он приказал мне напомнить тебе, что одно его слово – и эта часть пустыни будет превращена в... стекло.

На губах Омара Хаддада вновь появилась улыбка.

Этого человека действительно забавляли угрозы президента. Это невероятное высокомерие пугало Салиба куда больше, чем любая другая реакция, которую мог бы продемонстрировать Хаддад.

– Быть может, подобная попытка оказалась бы для него весьма познавательной, – спокойно ответил Аль-Йад, пожимая плечами.

Последнее, чего хотел Наджар, – это использовать подобную превосходящую силу против этого человека, и, похоже, глава фанатиков достаточно хорошо это понимал. Он ставил на то, что Наджар не отдаст военной авиации, чья верность была сомнительной, приказ обрушить всю мощь на того, кто ни единым поступком, ни единым словом не погрешил против нынешнего правящего режима.

К тому же Аль-Йад обзавелся армией фанатиков, столь преданных ему и уверенных в его божественности, что убивать его и тем самым возводить его в ранг мучеников было попросту опасно. Кто-то мог бы решить, что убийство Хаддада показало бы всем его последователям, что он обычный человек, а не посланник свыше, однако президент Наджар был уверен – это убийство убедит

их в обратном.

– Великий, президент просил меня сообщить тебе еще одно...

– Довольно! – закричал Аль-Йад, и глаза его неожиданно вспыхнули свирепой злобой. – Я устал от этой бессмыслицы, – добавил он ледяным тоном, жутко контрастирующим с его пылающим взором. – Настало время преподать урок.

Песок вокруг сандалий главы культа начал неистово содрогаться, как будто под его ногами возник эпицентр землетрясения, угрожая разверзнуть в земле глубокую трещину.

Глаза Салиба расширились. Слухи о подобных явлениях, казавшихся сверхъестественными, разошлись уже повсеместно.

Аль-Йад спокойно стоял в центре бури, продолжая сверлить яростным взглядом троих визитеров.

И вдруг Хаддад начал плавно подниматься в воздух.

Салиб и оба его спутника едва не ахнули.

У всех троих возникло отчаянное желание бежать или рухнуть на колени. Но отчего-то они остались стоять, словно примерзнув к песку.

Аль-Йад продолжал парить в воздухе – величественно, без усилий, его ноги были уже в пятнадцати футах над землей. Он нависал над посетителями, едва не касаясь головой крыши шатра, и песок под его ногами осел и снова сделался совершенно неподвижным.

Салиб ощущал, как от этого человека исходит энергия, подобно электрическим разрядам, а изначальное ощущение уверенности, излучаемое Хаддадом, еще больше усилилось. Посланник президента почувствовал, что дрожит при виде этой демонстрации чистой силы. Но была ли эта сила божественной?

Последователи Хаддада утверждали, будто тот способен на еще более невообразимые трюки, и президент с Салибом пришли к выводу, что этот

человек, вероятно, научился у какого-нибудь известного фокусника созданию сложных иллюзий.

Однако наблюдать одну из этих «иллюзий» самолично было жутко, она пробуждала в глубине души панический ужас, какого Салиб никогда ранее не ведал. Вся его обычная смелость мгновенно испарилась – как будто он был дичью, которую охотник свеживал, обнажая мягкую содрогающуюся плоть, пропитанную не кровью, а иррациональным ощущением страха, от которого Салиб никак не мог отделаться.

Неудивительно, что последователи Аль-Йада столь истово ему верили. Верили, что он действительно Длань Аллаха. Можно было приводить сколько угодно рациональных доводов в пользу того, что это фокусы – но эмоции, инстинкты свидетельствовали об обратном.

– Я передам через тебя послание, Абдул Салиб, – промолвил Аль-Йад, и головы всех трех визитеров откинулись назад, взгляды устремились на Хаддада – три пары немигающих глаз, три чуть приоткрытых рта. Аль-Йад не повысил голос, однако каким-то образом этот голос зазвучал более грозно и звучно, и посланники не могли пошевелиться, точно скованные заклятием. – Для твоего президента Наджара.

Земля снова начала содрогаться, но на этот раз еще более яростно, по всему шатру, как будто на них одновременно обрушилось землетрясение и песчаная буря. Все пять птиц встревоженно защебетали и заметались по своим тесным клеткам. Два постаamenta опрокинулись, золотые клетки, кувыркаясь, полетели на оживший песок. В шатре стремительно нарастал рев, похожий на вой реактивного двигателя, он обрушивался на людей, едва не разрывая барабанные перепонки.

– Скажи своему президенту, что я не приму больше никого из его людей, – прокричал Аль-Йад так громко, что его было слышно даже сквозь этот ужасающий рев. – И я больше не допущу его вмешательства в мои дела. Я Длань Всевышнего! – прогремел он, и от ярости, звучащей в его голосе, шатер словно бы задрожал еще сильнее. – Если он решит пропустить мои слова мимо ушей, я обрушу на него праведное и ужасное возмездие так, что его останки сможет узнать лишь сам Аллах!

Струя вязкой жидкости окропила лицо Салиба слева, и он, едва удержавшись от потрясенного крика, инстинктивно согнулся, припав к земле. Человек по имени Фалах Малик, стоявший слева от него, тоже рухнул на песок, но у него больше не были головы, и из обрубка шеи, словно из шланга, вытекала кровь.

Салиб быстро взглянул вправо, как раз вовремя, чтобы увидеть, как голова второго его спутника взорвалась, точно арбуз, начиненный динамитом, еще сильнее забрызгав лицо и волосы Салиба кровью и мозгом.

Салиб рухнул лицом в песок, борясь с тошнотой.

Никто не стрелял ни из какого оружия, никто посторонний не входил в шатер.

Дрожь земли вдруг резко унялась, рев утих. Но наступившая полная тишина так же ужасала Салиба, как предшествовавший ей хаос.

– Иди! – приказал Аль-Йад, нетерпеливо взмахнув рукой, словно не в силах поверить, что Салиб все еще находится в шатре. – И поведай своему жалкому президенту о том, что свершила здесь Длань Аллаха.

Все еще паря в воздухе, человек по имени Омар Хаддад повернулся спиной к единственному выжившему посланнику. Салиб стоял на коленях, весь измазанный кровью, по-прежнему содрогаясь от того, что ему пришлось увидеть несколько мгновений назад.

– И знай, что ты узрел лишь намек на ту ярость, которую я готов обрушить на любого, кто встанет у меня на пути, – ледяным тоном довершил Аль-Йад.

И ковыляя к выходу из шатра, Абдул Салиб понимал: он ни на мгновение не сможет усомниться в истинности этого заявления.

Часть первая

Истина проходит через три стадии: сначала ее высмеивают, потом ей яростно сопротивляются, и, наконец, принимают как очевидное.

1

Пять месяцев спустя

Алисса Аронсон пристально смотрела на цифровые часы в нижнем углу телеэкрана, ощущая смесь эмоций, среди которых были и надежда, и тревога, и любопытство. Но в основном она чувствовала себя идиоткой. Жалкой идиоткой.

Свидание, назначенное через Интернет? Неужели действительно дошло до такого?

Часть ее разума осознавала, что свидания по Интернету на самом-то деле – это шаг далеко вперед по сравнению с тем, что происходило на протяжении почти всей современной истории: посредством случайных встреч и знакомств, порою в барах или на вечеринках. Интернет-знакомства обеспечивали более научный подход, дающий больше возможностей подобрать себе пару на основании интересов и личных качеств. И это не было позорным. В эпоху Интернета так поступали все.

Но хотя разумом она все это осознавала, на эмоциональном уровне подобный поступок больше всего напоминал... отчаяние.

С другой стороны, недавно Алисса поняла, что действительно пребывает в отчаянии. Да, ей было всего двадцать восемь лет, но в последнее время заложенная в генах память предков брала верх, и ей, как никогда прежде, хотелось завести отношения с кем-нибудь. Некогда она закатывала глаза, услышав словосочетание «биологические часы», но тот факт, что она была специалистом по человеческому поведению и мотивациям, не означал, будто она может подавить инстинкты, намертво прошитые в ее тело.

Можно обладать самым невероятным сочетанием превосходных генов в истории человечества, но если не преуспеть в спаривании, эти гены умрут вместе со своим носителем. И обратное тоже верно: если кто-то талантлив в том, чтобы

найти себе пару и размножиться, и ни в чем больше, его или ее бесталанные гены будут жить в потомстве.

Так что если гены требовали заняться сексом – а в некоторых случаях это неотступное желание было настолько крепко впаяно в психику, что спаривание оказывалось критично важным для физического и умственного здоровья, – то это их требование трудно было игнорировать. И если гены желали взять верх над разумом, вынуждая человека почти против собственной воли гоняться за противоположным полом и лишая это стремление всякой рациональности, то они делали это с неумолимой безжалостностью. В конце концов, романтическая любовь способствовала тому, что в кровь впрыскивалась мощная смесь химических веществ, подталкивающих человека к соитию.

Из раздумий Алиссу вывел вежливый, почти робкий стук в дверь. Она взглянула на часы – те показывали ровно 11.30. «Когда Тео Грант говорил, что заедет за мной в субботу в 11.30, он имел в виду – именно в субботу, ровно в 11.30».

Она в последний раз взглянула в зеркало в прихожей – сама не зная зачем, ведь она была совершенно уверена, что зеркало покажет ей то же самое, что и тридцать секунд назад.

Из зеркала на нее смотрела молодая женщина с безупречной кожей, стройная, ростом всего 5 футов 4 дюйма, которая, однако, отказывалась носить обувь на каблуках, считая эти приспособления орудиями пытки, изобретенными в темные века. Одета она была просто и со вкусом, носила минимум украшений и макияжа. Эта женщина была стройной, с изящными изгибами во всех нужных местах, светло-русые волосы аккуратно подстрижены до плеч, лицо женственное и, конечно же, эта женщина была наделена талантами выше среднего, если она могла так сказать сама о себе.

Она усмехнулась, когда в ее голове пронеслась эта мысль. Это была шутка, которую Алисса периодически повторяла про себя. Ей было хорошо известно, какие данные стоят за тем, что часто именуют «Эффектом Лейк-Уобегон»[2 - Он же эффект сверхуверенности, то есть переоценки своих достоинств и точности своих суждений.] в честь города, придуманного Гаррисоном Кейлором[3 - Гэри Эдвард Кейлор (р. 1942) – американский юморист, радиоведущий.]. Если верить Кейлору, это город, где «все женщины сильны, все мужчины красивы, а все дети наделены талантами выше среднего».

Это ироническое определение было куда более глубоким, чем осознавал Кейлор: многочисленные исследования выявили, что у людей существует явная тенденция переоценивать себя почти во всем.

Спросите группу людей, считают ли они себя «ниже среднего», «средними» или «выше среднего» в чем угодно – в умении нырять, трудоспособности, сообразительности, воспитании детей и так далее, – и от семидесяти до девяноста процентов опрошенных заявят, что они «выше среднего». Люди, несомненно, весьма талантливы в том, чтобы дурачить себя самих, особенно когда речь идет об их личном превосходстве. Мысль об этом неизбежно смешила Алиссу, но в этом не было ничего удивительного, поскольку, в конце концов, она была наделена чувством юмора... хм, выше среднего.

Алисса сделала глубокий вдох, похлопала себя по карманам, дабы убедиться, что в одном из них лежит перцовый баллончик, а в другом – маленький электрошокер, – и открыла входную дверь.

Тео Грант выглядел точь-в-точь как на фотографии, и это было многообещающим началом. Он был на пять дюймов выше Алиссы, у него были коротко стриженные черные волосы и приятное лицо, выражавшее спокойствие, уверенность и даже безмятежность.

В некоторых ответах, которые Алисса прочла на странице его профиля, сквозило нечто напоминающее дзен – по крайней мере, так она считала. В качестве «любимой цитаты» он выбрал фразу «И в конце скитаний придем туда, откуда мы вышли, и увидим свой край впервые»[4 - Из поэмы англо-американского поэта Т.С. Элиота «Литтл Гиддинг». – Пер. А. Сергеева.].

Ничего себе. В момент, когда Тео Грант выбирал эту цитату, он или действительно постиг дзен или обдолбался какими-то веществами.

На лице мужчины, стоящего перед ней, возникла теплая улыбка – Алисса почему-то сразу поверила в искренность этой улыбки. Он протянул руку.

– Рад личной встрече с вами, Алисса, – произнес он приятным голосом.

– Взаимно... Тео, – ответила она, впервые назвав его по имени. В его профиле было сказано, что ему тридцать три года, и она верила, что это число правдиво.

- Вы готовы? – спросил Грант.

Она кивнула и аккуратно прикрыла за собой дверь.

Они дошли до подъездной дорожки, на которой был припаркован блестящий серебристый «Мерседес». Грант открыл пассажирскую дверцу, дождался, пока Алисса сядет в машину, и мягко, без хлопка закрыл дверцу снова.

Пунктуальность и джентльменское поведение. Ни то ни другое не числилось в списке важных для нее черт, однако начало знакомства было приятным. Подлинный вопрос заключался в том, насколько ей понравится общение с ним? Подтвердится ли мнение, которое сложилось у нее, когда она прочла его профильную страницу на сайте? А если да, то будет ли ему столь же приятно общаться с ней?

- Красивая машина, – сказала Алисса.

- Спасибо. Но она взята напрокат. Я только что переехал сюда и еще не успел обзавестись собственным автомобилем.

Она знала о его недавнем переезде все из того же профиля.

- Вы всегда берете напрокат «Мерседесы»?

Грант застенчиво улыбнулся:

- Лучше бы вы об этом не спрашивали. Увы, я вынужден признать, что обычно арендую малолитражки в таких компаниях, как «Неприлично дешевые тачки» или «Шарашкины покатушки». – Его улыбка стала шире. – Конечно же, вам не понадобилось много времени, чтобы раскусить мою жалкую попытку притвориться богачом.

Алисса рассмеялась вслух:

- Может, и так, но зато вы получаете высший балл за честность.

– Да, это одна из моих черт. Я болезненно честен. – Он повернул ключ в замке зажигания, а затем снова повернулся к Алиссе. – Я арендую роскошные машины только тогда, когда иду на интернет-свидание с умной, изысканной женщиной, которая... ну, вы знаете, – добавил он с насмешкой, – выше среднего во всех отношениях.

Тень улыбки скользнула по губам Алиссе. Очевидно, она была не единственной, кто обратил внимание на раздел «любимые цитаты» в профиле другого человека на сайте интернет-знакомств.

– И как часто такое бывает? – поинтересовалась она.

Грант вырулил на узкую частную дорогу, ведущую от дома Алиссе, уединенно стоящего на опушке густой рощи.

– Как часто я назначаю свидания через Интернет вообще? Или как часто я назначаю свидания через Интернет умным, изысканным поклонницам Гаррисона Кейллора?

– Вообще, – коротко ответила она.

– Дайте-ка подумать минутку, – отозвался он, снимая правую руку с руля и быстро разгибая пальцы один за другим, словно считая до пяти. – Ну, если мои подсчеты верны... это будет первый раз.

Алисса поняла, что ей уже нравится Тео Грант. Его чувство юмора проявилось почти сразу же, а этот притворный подсчет на пальцах был очень милым штрихом.

– Для меня тоже, – призналась она.

Они направились во французский ресторан, выбранный Грантом, продолжая по пути вести беседу – на удивление естественную и непринужденную. Хотя, вероятно, удивляться здесь было нечему. Алисса согласилась на свидание с этим мужчиной во многом потому, что он так же, как она, любил лес и прогулки на природе, а помимо того – науку и научную фантастику. Он много лет писал статьи для научных журналов и особенно интересовался квантовой физикой –

так же, как и Алисса.

Когда они прибыли в элегантно отделанный и обставленный ресторан «La Petit Gourmet»[5 - «Лакомка» (фр.).] в деловой части Блумингтона, Грант отодвинул для Алиссы стул, а когда следовало, подвинул его обратно. Что ж, это уже начинало производить впечатление. «Неужели так до сих пор кто-то делает?»

Официант принял заказ, и Алисса с Тео продолжили беседу. Оба они много знали о последних невероятных достижениях науки и технологии, и разговор словно бы тек сам собой. Гранту нравилась его работа, однако она не приносила особого дохода. Поэтому он решил переехать в Блумингтон в штате Индиана, поскольку когда-то он учился в Индианском университете и любил этот город. В стране было немного столь недорогих регионов, где вдобавок росли обширные и красивые леса.

Алисса находила своего собеседника обаятельным, интересным и весьма сведущим в различных отраслях наук: этого можно было ожидать от того, кто зарабатывал себе на жизнь научными статьями. К тому же он был скромен и, возможно, отчасти загадочен, хотя она не могла понять, почему у нее сложилось такое впечатление.

Свидание проходило как нельзя лучше. С тех пор как несколько лет назад завершились ее прошлые отношения с мужчиной, длившиеся два года, Алисса побывала примерно на дюжине первых свиданий – однако вторых свиданий практически не было. Но теперь она поняла, что ее влечет к этому человеку так, как не влекло ни к кому другому. Может быть, что-то в ее жизни вот-вот изменится.

Она пыталась как можно меньше говорить о себе, чтобы избежать необходимости лгать, но в конце концов случилось неизбежное. Грант проковырял ложкой отверстие в сыре, прикрывавшем его порцию французского лукового супа, и спокойно взглянул на Алиссу.

– Ваши знания в области физики и космологии впечатляют, – с уважением промолвил он. – Однако по вашему профилю мне казалось, что вы занимаетесь скорее медициной.

– Так и есть. Просто эти отрасли пленяют мое воображение.

– И что именно вы изучаете в своей лаборатории?

Алисса подавила желание нахмуриться. Она ненавидела лгать, но другого выхода не было. Поскольку истина заключалась в том, что она не работала в Индианском университете. У нее была лаборатория на окраине кампуса, поэтому она сказала, что трудится в ИУ, но это была неправда.

Правда состояла в том, что Алисса была сотрудницей армейского подразделения, именуемого «Пси-Оп». Той части «Пси-Оп», которая отвечала за тайные операции и именовалась «Блэк-Оп», и потому Алиссе было запрещено разглашать эти сведения кому-либо помимо тех, кто их и так уже знал, – в том числе и потенциальному супругу.

Правда состояла в том, что Алисса была одним из ведущих мировых экспертов по гипнозу и веществам гипнотического действия. По человеческому разуму, по человеческому подсознанию. По человеческому поведению. По тому, как поднять внушение на более высокий уровень.

Или, если подвести итог, она была специалистом по промывке человеческих мозгов. Она изучала ужасные, изменяющие мозг производные от ЛСД, амобарбитала натрия, хлоралгидрата и скополамина, поодиночке и в различных сочетаниях, – в поисках наилучшего способа лишить человека воли, изменить его подсознание и заставить его подчиниться воле гипнотизера.

Алисса сделала глубокий вдох:

– Видите ли, я безумный ученый. Я провожу столь непередаваемо жуткие эксперименты, что если я расскажу вам о них, то тем самым убью не только вас, но и всех, кто сейчас находится в этом ресторане.

Грант улыбнулся и покачал головой.

– Хорошая попытка, – весело отозвался он, – но я ничуть в это не верю.

«Славный парень, – подумала она. – Жаль, что он так плохо разбирается в людях».

Алисса посмотрела в спокойное лицо Тео Гранта, подносящего ко рту первую ложку лукового супа, и заставила себя улыбнуться.

– Хорошо, скучная правда заключается в том, что я изучаю человеческое поведение, – сказала она. У этого утверждения было одно-единственное преимущество – оно хотя бы отчасти было правдивым.

Было почти невыносимо видеть, как он все с той же щенячьей беззаботностью принял ее слова на веру. Это было безнадежно. Личные отношения явно были не для нее, ведь она никогда не сможет разделить с партнером самую важную часть своей жизни. Как могут быть успешными отношения, основанные на лжи?

И необходимость хранить в тайне изрядную часть своей жизни была не единственной трудностью, которую предстояло преодолеть. Она была доктором неврологии – эту ученую степень присвоили ей в Принстонском университете, – и это отпугивало большинство мужчин. По крайней мере, Тео Грант указал на странице своего профиля, что ему нравятся умные, образованные и успешные женщины.

И Алиссе приходилось соблюдать осторожность даже в отношении тех крох своего опыта, которыми она могла поделиться: энциклопедических объемов проведенных ею исследований в области личности, поведения и подсознания человека. Как человек, встречающийся с психиатром, все время гадают, не подвергается ли он психоанализу, так почти все мужчины в ее присутствии начинали чрезмерно тщательно следить за своим поведением.

И даже если бы ей позволено было сказать Тео Гранту о том, чем она занимается в действительности, она не смогла бы этого сделать. Кто смог бы винить любого мужчину в том, что он испугался бы, узнав, что она является ведущим мировым специалистом в области наркогипноза? Если бы этот мужчина стал гадать, не может ли она превратить его в раба? Если бы он задумался о том, что в случае их ссоры или разрыва, упаси боже, он может начать кудахтать, как курица, едва услышав внушенное ею ключевое слово – например, «сволочь».

Тот факт, что ничего подобного не случилось бы – не могло бы случиться, – не имел значения. Как специалист, Алисса отлично сознавала всю ограниченность возможностей наркогипноза. Но неспециалиста ей было бы трудно убедить в этом, особенно учитывая ту огромную массу дезинформации по этому вопросу, которую многие принимали за истину.

Она все еще не могла поверить в то, что работает на «Блэк-Оп». Этот поворот судьбы был столь невероятным, что казался абсурдным. Роковым качеством Алиссы был острый интерес к науке, и чем больше она читала об исследованиях человеческой личности, и особенно о власти подсознательного мышления, тем больше ее это завораживало.

Поэтому она решила получить докторскую степень посредством работы в лаборатории университета. Мысль о работе на тайную службу никогда ей и в голову не приходила. Кто же захочет вступать в «Пси-Оп»? Или в «Блэк-Оп»? Или, что еще ужаснее, в оба подразделения сразу.

Началом конца стала написанная ею для медицинского факультета статья, в которой Алисса выдвигала революционную теорию относительно работы подсознания. Эта статья почти немедленно была запрещена к публикации. Никто не написал на нее ни одного отзыва. Поэтому Алисса разместила ее в своем блоге, где на нее сразу же набросилось все научное сообщество. Идеи Алиссы были перчаткой, брошенной в лицо общепринятым догмам. Эти идеи были абсурдными. Нелепыми.

И как раз в тот момент, когда она пыталась как-то противостоять подобной реакции, с ней связался «Пси-Оп». Ей сказали, что ее теории отнюдь не абсурдны. На самом деле, эти идеи отражали и даже углубляли их собственные наработки.

А затем, в типичной манере «Пси-Оп», эта организация помогла раздуть пламя научного расчленения ее идей, просто чтобы дискредитировать их еще сильнее – поскольку секретные службы других стран чрезвычайно пристально следили за сетевыми публикациями.

Агент по вербовке превозносил Алиссу как гения, наделенного невероятной интуицией, а потом предложил ей возглавить собственную лабораторию и руководить несколькими ассистентами. И жалование – во много раз больше того,

что она могла ожидать в академии.

Прямо либретто пси-оперы. Уничтожить все ее шансы сделать карьеру исследователя в обычной научной среде, одновременно предлагая шанс получить неограниченные ресурсы для подтверждения теорий. Они действительно знали, как сделать так, чтобы она просто не смогла сказать «нет». Очень действенная смесь соблазна... и позора.

Но у Алиссы было одно условие: она не станет изучать наркогипноз для того, чтобы контролировать людей – только ради того, чтобы изучить, как предотвратить такой контроль или снять его, если его когда-либо используют против Америки или ее союзников. Агент согласился немедленно, заявив, что именно таковы и были их цели.

Попытки контроля других посредством использования наркотических веществ были запрещены международным соглашением. Но точно так же было запрещено биологическое и химическое оружие, и США никогда не стали бы их использовать, однако американское правительство по-прежнему поддерживало секретные программы исследований в этой области, дабы не отставать от других стран, которые могут этим заниматься.

Поэтому Алисса согласилась. Ее прежняя жизнь закончилась два года назад, в возрасте двадцати шести лет. Следовало признать, что работа оказалась интересной, захватывающей и многообещающей. И важной. Слава всему святому, было доказано, что контролировать людей подобным образом невозможно. Однако Алисса помогла совершить значительные подвижки в усилении эффекта плацебо – она была убеждена, что это может произвести целую революцию в науке.

Однако она не до конца осознавала, какое влияние ее тайные исследования окажут на ее личную жизнь и насколько труднее – даже по сравнению с прежними временами – ей будет найти подходящего мужчину.

У нее были отличные отношения с матерью, а с отцом – еще лучше. Он был добрым и заботливым человеком и всегда обожал Алиссу. Когда она жаловалась на то, что мужчины ее боятся, он отвечал, что это происходит из-за ее выдающихся качеств – потому что она красивая, умная, образованная и успешная. Слишком умная и успешная для большинства из них, так он говорил

ей. Нужно быть поистине выдающимся мужчиной, чтобы полностью оценить такую женщину. Но для такого мужчины она стала бы неотразимой, идеальной женщиной.

Ее отец был достаточно чутким, чтобы понимать, как звучат его слова. Словно утешения отца, чья дочь не смогла стать лидером команды болельщиц, и он пытается подбодрить ее, рассказывая сказки о том, что она попросту слишком красива и все остальные девушки завидуют ей. Но отец Алиссы настаивал, что это вовсе не утешительная ложь и не сказки любящего отца, не замечающего недостатков своей дочери. Это непреложный факт. Он знает то, что знает, и в должное время она поймет, что его пророчество было истинным.

Что-то такое было в Тео Гранте... У Алиссы уже возникло чувство, что это действительно выдающийся мужчина – в большей степени, чем кто-либо из тех, с кем она встречалась прежде.

Быть может, появился шанс по-настоящему проверить верность отцовского пророчества.

3

Посетитель, сидящий за столиком в одиночестве, был высок и атлетически сложен. Он сделал заказ и едва заметно покачал головой, не в силах понять, как его вообще угораздило в это влипнуть.

У него был черный пояс по двум разным видам боевых искусств, он мог создать бомбу из подручных материалов и с ее помощью разнести любую дверь, мог всадить пулю с тридцати ярдов в летящий по воздуху футбольный мяч – одновременно уходя в перекат.

Чего он не мог – так это смешаться с публикой, обедая в одиночку в роскошном французском ресторане.

По крайней мере, так казалось ему самому. Он чувствовал себя так, как будто к его голове прикреплена полицейская «мигалка» с сиреной.

Маленький приемник в его ухе щелкнул, запрашивая сведения. Мужчина огляделся по сторонам, дабы убедиться, что никто не смотрит на него и не сможет его услышать, потом склонил голову так, чтобы губы его оказались ближе к крошечному микрофону, вшитому в лацкан пиджака.

– Похоже, они ведут оживленный разговор, – прошептал он, чувствуя себя идиотом. – Но они слишком далеко, чтобы расслышать. Он все еще ест французский суп. Как поняли?

– Хорошо, понятно.

– Обслуживают тут лениво и неспешно, – продолжил мужчина. – Скорее всего, у вас есть минимум час, возможно, около двух часов.

– Есть шанс, что вас заметили?

– Шанс всегда есть. Но сомневаюсь. Я довольно далеко от них, а они смотрят только друг на друга. В мою сторону даже не взглянули. Похоже, первое свидание удалось. Буду держать вас в курсе, – завершил он.

Ну конечно, надо будет передавать новые важные сведения. Закажет ли эта парочка кофе и десерт или нет? «Просто невыносимое напряжение», – подумал он, криво улыбнувшись.

– Вы уверены, что это не зашло чересчур далеко? – прошептал он в микрофон.

– Возможно, – донесся ответ. – Но скоро мы это узнаем.

4

Тео Грант откусил кончик хлебной палочки и стал задумчиво рассматривать Алиссу, в то время как официантка расставляла перед ними основные блюда, каждое из которых представляло собой произведение искусства.

– Человеческое поведение, – повторил он. – Звучит интригующе. Я кое-что читал об этом, хотя в отличие от вас я далеко не специалист в этом вопросе. – Он слегка взмахнул рукой. – Итак, если бы вам нужно было сделать общий обзор человеческого поведения, что бы вы сказали?

Алисса Аронсон помедлила несколько секунд, размышляя.

– Полагаю, что, если бы мне нужно было выразить его одной фразой, я сказала бы, что наше поведение в большей степени обусловлено генетикой, чем предполагает большинство людей, почти все закладывается при рождении.

– Интересно, – произнес Грант. – Мы точно знаем это или это лишь догадки?

– Нет, мы практически полностью уверены в этом – во всем виновата мать-природа. Десятилетиями бытовало мнение, будто мы, выходя из материнского чрева, являем собой чистый лист, ожидающий того, что начертает на нем родители и общество. Что у нашей личности нет врожденных черт. Некоторые сторонники этой теории, именуемой бихевиоризмом, утверждали, что могут взять группу младенцев и вытесать из них все, что захотят. Заставят мальчиков ненавидеть оружие и любить играть в куклы. Превратят кого-то из застенчивого и робкого существа в общительного ребенка.

Гранта, похоже, это забавляло.

– Полагаю, никто из них на самом деле никогда даже не пытался растить детей. Или, если уж на то пошло, младших братьев и сестер.

Алисса рассмеялась.

– По вашему резюме я понял, что эта теория опровергнута, – добавил он. – Так что же изменилось?

– Наблюдение за тем, как растут близнецы, – ответила она. – В 1979 году одна миннесотская газета опубликовала историю об однойяцевых близнецах, разлученных сразу после рождения. Они росли в разных семьях, в разных городах, и каждый из них даже не подозревал о существовании другого. В возрасте сорока лет по какой-то дикой случайности они встретились и поняли,

что произошло. Психолог Томас Бошард прочитал эту историю и начал изучать этих близнецов. Оказалось, что у них есть невероятное количество схожих черт. У обоих был одинаковый вес, оба курили одну и ту же марку сигарет, оба занимались плотницким делом, любили гонки и ненавидели бейсбол. У них были одинаковые жесты, одинаковая походка, одинаковая манера речи. И так далее. Это было невероятно. Эта история облетела всю страну, и близнецы даже приняли участие в «Вечернем шоу» с Джонни Карсоном.

Алисса отпила глоток красного вина, заказанного ею к обеду. Обычно она не пила за обедом, однако обычно она и не ходила на первое свидание в роскошный французский ресторан. Иногда следует делать исключения.

– Публикация этого открытия пробила брешь в плотине, – продолжила она. – С Бошардом связались десятки близнецов, разлученных при рождении. С тех пор по всему миру проводились тысячи исследований таких близнецов.

– И что, так многих детей разлучали при рождении?

– Да. Примерно в одном случае на двести пятьдесят родов на свет появляются однойцевые близнецы. Так что сейчас только в США проживает более миллиона пар близнецов.

Грант присвистнул:

– Ничего себе!

– Оказалось, что наше поведение и склонности куда в большей степени обусловлены нашими генами, чем мы когда-либо осознавали. Это не означает, что окружение не играет некую важную роль – играет, несомненно. Воспитание все-таки имеет значение. Окружающая среда все-таки имеет значение. Но меньшее, чем мы думали. Разлучите при рождении однойцевых близнецов, наделенных одинаковыми генами. Пусть одного из них растит Махатма Ганди, а другого – Гитлер. И многие качества личности у этих близнецов будут в среднем довольно схожими. Несмотря на то, что их воспитывали разные родители, в разном окружении. Они будут похожи друг на друга куда больше, чем дети, которые росли вместе, у одних родителей, в одном обществе – но отличающиеся друг от друга генетически.

– Ну хорошо, пусть генетика значит куда больше, чем считали люди. Но о каких именно качествах мы говорим?

– Практически обо всех, – отозвалась Алисса. – Одни и до того считались обусловленными генетически – например, склонность к полноте или, напротив, худощавое телосложение. Относительно других этого невозможно предположить и за миллион лет. Допустим, умение радоваться. Или политическая философия. Консерватизм или либерализм.

– Не может быть, – недоверчиво промолвил Грант. – Вы хотите сказать, что политические склонности тоже заложены генетически?

– Не полностью. Однако в среднем расположение генов играет очень важную роль. Моя собственная семья – отличный пример подобного. Один мой брат – жесткий консерватор, другой – либерал. У них одни и те же родители, обоих братьев учили одному и тому же, они росли под одни и те же передачи по кабельному телевидению, которые смотрели мои родители. Вспомните, есть ли среди ваших давних знакомых братья и сестры, которых растили в одной семье, в одном доме, и вы быстро осознаете, насколько сильно они могут отличаться друг от друга во многих отношениях: личных качествах, рабочей этике, уважении к властям и так далее. Поскольку они росли в одном и том же окружении, но с разными генами, то, скорее всего, на большинство из этих качеств оказывает огромное влияние именно генетика. И, скорее всего, если взять двух близнецов с одинаковыми генами и воспитать одного из них в либеральной семье, а другого – в консервативной, то с изрядными шансами они оба будут либералами. Или оба будут консерваторами. Но вероятность того, что они будут в этом одинаковы, куда больше, чем того, что они окажутся различны.

– Черт меня побери, – выдохнул Грант. – Я готов был поставить свою жизнь на то, что мои политические воззрения полностью определяются моим воспитанием и окружением.

– Значит, хорошо, что вы не стали делать такую ставку, – заметила Алисса с лукавой искоркой в глазах.

– Это не шутки, – добродушно отозвался Грант. – Однако вы упомянули умение радоваться. Значит, это тоже генетическое качество? Я думал, что оно в основном связано с окружением – куда сильнее, чем политика.

– Большинство людей именно так и думает. Но гены играют важную роль в нашем счастье и во многом определяют уровень нашего субъективного благополучия. Наши склонности к этому заложены заранее.

– Для меня это звучит как бессмыслица. Если человек сорвал куш на бирже, он будет рад. Если он влюбился, он будет счастлив. Если его уволили с работы, он будет несчастен. Все это определяется внешними обстоятельствами.

– В краткосрочной перспективе – да, положительные события оказывают позитивное воздействие, давая ощущение радости. Но мы обычно переоцениваем то, насколько долго финансовое благополучие способно сделать нас счастливыми. И точно так же мы переоцениваем то, на сколь долгий срок увольнение сделает нас несчастными. Мы приспосабливаемся к тому и другому. Возвращаемся к изначальной отметке. Это называется гедонистической адаптацией.

Грант кивнул, но промолчал.

– Если я скажу вам, что один человек выиграл целое состояние в лотерею, – продолжила Алисса, – а второму ампутировали обе ноги, то это очень мало поведает вам о том, кто из них будет чувствовать себя счастливее через год, потому что оба могут вернуться к изначальной отметке настроения. Опять же, в краткосрочной перспективе, счастье победителя лотереи взлетит до небес, а инвалида – рухнет в бездну.

– Но гены тут ни при чем, верно?

– Никоим образом.

– Значит, если деньги не играют особой роли, то что же играет?

– Деньги тоже играют роль, но не настолько большую. При всем при том нам достаточно суммы дохода в семьдесят пять тысяч долларов в год. Этого хватит, чтобы починить машину, если она сломается, и так далее. Но любой, получающий в год семьдесят пять штук и более, имеет столько же шансов быть счастливым или несчастным, как какой-нибудь миллиардер. Честное слово. Наиболее важная внешняя составляющая в этом механизме – качество отношений с друзьями и родными. А также постановка цели, погоня за тем, чего

мы страстно желаем, и достижение этой цели. На самом деле, наполняет жизнь в основном преодолению трудностей, рост человека как личности. – Она помолчала. – Как ни иронично, но в длительной перспективе выигрыш в лотерею может значительно понизить уровень счастья человека.

– Ну да. Кто не почувствует себя несчастным, выиграв двадцать миллионов долларов? – саркастически хмыкнул Грант.

Алисса рассмеялась.

– Вы удивитесь. Не каждый победитель лотереи становится менее счастливым, но многие из них – да. Некоторые бросают работу и обнаруживают, что у них слишком много свободного времени. Они страдают от скуки и бесцельности. Часто у них рвутся отношения с близкими: эти люди нередко уезжают с привычного места жительства. А иногда зависть, жадность, неравенство в финансовом положении и так далее ведут к тому, что связь с теми, кто прежде был дорог, начинает распадаться.

Грант вскинул руки в знак капитуляции.

– Напомните мне, чтобы я никогда больше не сомневался в ваших словах, – с улыбкой произнес он. – Весьма впечатляет.

Алисса улыбнулась в ответ.

– Что ж, изучение всего этого – моя работа, – сказала она, глаза ее радостно блестели.

Они вели оживленную дискуссию по разным вопросам еще примерно с час, даже после того, как покончили с обедом. Никто из них не спешил вставать из-за стола.

Беседа с Тео Грантом заставляла Алиссу чувствовать себя самой интересной женщиной на свете. После того как они обсудили поведение как научный вопрос, она настояла на том, чтобы вернуться к его собственным интересам. Для нее он тоже был увлекательным собеседником, способным мгновенно ухватить суть любой темы.

Наконец они вернулись к дому Алиссы, и Грант проводил ее до дверей. У Алиссы сложилось впечатление, что он не собирался форсировать начало физических отношений. Он выглядел уверенным, спокойным и по-прежнему немного отрешенным. Она решила, что он будет доволен в любом случае, пригласит она его войти или нет, и это подтолкнуло ее к действиям.

– Почему бы вам не зайти в дом? – спросила она. – Мы можем продолжить наше знакомство за стаканом... холодного чая.

Она собиралась сказать «вина», но передумала. Она уже выпила два полных бокала в ресторане и не хотела отпускать тормоза и терять способность мыслить здраво. В двадцать восемь лет было бы несколько глупо бояться потерять репутацию, слишком рано допустив мужчину к телу, а ее девственность была потеряна уже давным-давно, и Тео Грант, несомненно, сознавал это. Тем не менее это могло подождать и до второго свидания, хотя, положив руку на сердце, это было самое лучшее первое свидание в жизни Алиссы.

Хотя она не могла гарантировать, что Тео пригласит ее на это самое второе свидание. Ей казалось, что между ними возникла невероятной силы химия, но даже ее интуиция и знание человеческой природы были далеки от совершенства. Она понимала все в целом, но в любой конкретной ситуации кто мог точно сказать, что именно творится в душе и разуме другого человека?

Грант с радостью принял приглашение и зашел в дом. Алисса наскоро показала ему, где здесь что, а потом усадила его в гостиной и пошла делать чай со льдом. Как раз в тот момент, когда она возвращалась с кухни с двумя стаканами, раздался звонок в дверь – точнее, два коротких звонка.

Алисса вручила Тео Гранту оба стакана и сказала:

– Давайте я просто посмотрю, кто там пришел, и сразу же вернусь. Это не займет и минуты.

Грант кивнул, и Алисса вышла из комнаты, свернула за угол и подошла к двери, выглянув в «глазок». За дверью стоял мужчина в коричневой форме курьера, в руках у него был пакет, за который, очевидно, нужно было расписаться.

Алисса резко распахнула дверь, желая как можно скорее вернуться к Гранту.

Но мужчины уже не было. Должно быть, он ушел, пока она отпирала замок. Видимо, за пакет все-таки не нужно было расписываться, потому что курьер оставил его у порога. Алисса вышла и наклонилась, чтобы поднять его.

Мужчина бросился на нее, словно бы возникнув ниоткуда.

Он все-таки не ушел.

Это была засада.

Мощные руки вздернули ее в воздух, а широкая мозолистая рука крепко запечатала ее рот и нос. От потрясения и ужаса Алисса испустила крик, способный поднять даже мертвого. Но мясистая ладонь заглушила этот крик настолько, что женщина сама едва расслышала его.

Эта попытка закричать сожгла остатки воздуха в легких, и теперь Алисса отчаянно боролась за то, чтобы сделать еще хоть вдох. Однако мужская рука неотступно душила ее.

Легкие горели, и Алисса знала, что если не наполнит их воздухом снова, то через несколько секунд будет мертва.

5

Похититель Алиссы, похоже, понял, что она не может дышать, и сместил ладонь ниже, открыв ее нос, но продолжая железной хваткой зажимать рот. Она втянула как можно больше воздуха через ноздри, судорожно вдыхая и выдыхая его, ее легкие и кровь отчаянно жаждали кислорода.

– Прекрати сопротивляться, – прошептал похититель, быстро удаляясь от двери. – Я не причиню тебе вреда.

Человек был массивен, как гранитная глыба, – больше шести футов ростом и мощный, точно бульдозер. Он полностью лишил Алиссу возможности пошевелиться, несмотря на все ее сопротивление, и нес ее с такой же легкостью, с какой обычный человек может нести рюкзак.

Почти бегом он пересек задний двор дома и расположенную за ним опушку леса, в то время как отряд из шести командос, вооруженных до зубов, окружил дом Алиссы со всех сторон. Ее исчезновение с места действий и появление этих людей было словно бы согласовано до секунды.

Что происходит?

Куда ее несут? И что им нужно в ее доме?

Это напоминало какой-то кошмар, от которого она вот-вот должна была очнуться, однако по мере того, как похититель уносил ее все дальше в лес, отрицать реальность происходящего становилось все труднее.

У Алиссы был высочайший допуск безопасности из возможных и доступ к изрядному числу тайных исследований. Знали ли они, что эти сведения не могут быть вынесены из лаборатории? Даже если она сумеет нарушить правила, компьютерные данные зашифрованы настолько хитро, что никто не сумеет их заполучить.

И это объясняло, почему она еще жива. Она была их страховым полисом. На случай, если они не найдут то, что ищут, или она понадобится, чтобы забрать это.

Ей нужно как-то предупредить Гранта!

Что бы из ее работы ни заинтересовало этих людей, каков будет их ход, когда они сообразят, что в доме был кто-то еще? Убьют ли они его? Прихлопнут ли его как муху и пойдут по своим делам, какими бы эти дела ни были? Грант был милым и безвредным человеком, который просто оказался не в то время не в том месте.

Алисса подумала о том, чтобы дотянуться до перцового баллончика или шокера, все еще лежавших у нее в карманах, однако хватка ее похитителя была настолько крепкой, что руки Алиссы были прочно прижаты к ее телу, как будто она угодила в гигантские тиски.

Она попыталась закричать, но не смогла издать ни звука, и она понимала, что если целью этих командос было проникнуть в дом, то сейчас эта цель давным-давно достигнута.

– Сейчас я тебя отпущу, – сказал человек-глыба, поставив ее на ноги и убирая руку с ее рта. Алисса подумала было о том, чтобы броситься прочь или ударить его шокером, но решила этого не делать. Он намного превосходил ее в габаритах, силе и боевых навыках.

– Мне было поручено убрать тебя оттуда, – объяснил он. – Я считаю, вряд ли кто-то будет стрелять, но на всякий случай нужно было сделать именно так – чтобы ты не пострадала.

– Поручено? Кем? – осведомилась она. – Вы с ума сошли? Что вообще происходит?

Он проигнорировал ее вопросы.

– Мне сообщат, когда цель будет захвачена, тогда мы сможем вернуться. С секунды на секунду, пожалуй.

– Какая цель?

– Мужчина, с которым ты была.

«Что? Они охотились на Тео Гранта?»

Но прежде чем она начала осмыслять эти невероятные новости, в пятидесяти ярдах к северу разразился ад. Раздался звук автоматных выстрелов, и, насколько Алисса могла определить, стрельба велась непрерывно с нескольких точек.

Алисса бросила взгляд на стоящего рядом мужчину:

– И это вы называете «вряд ли кто-то будет стрелять»?

Он открыл было рот, чтобы ответить, но в этот момент со стороны лужайки перед домом донесся взрыв.

– Жди здесь, – приказал похититель, сорвал с пояса пистолет-пулемет и помчался через лес к дому.

Поколебавшись несколько секунд, Алисса бросилась следом. Она не собиралась лезть в гущу перестрелки, но не намеревалась и ждать в чаще леса, обмирая от страха, словно олень в свете фар, пока в ее доме творится третья мировая война.

Она выскочила на опушку с той стороны от дома, с которой была возможность увидеть его фасад. «Какого черта?»

Это оказалось куда больше похоже на зону боевых действий, чем ожидала Алисса. По всему двору в различных позах распростерлись спецназовцы – словно армия игрушечных пластиковых солдатиков, расставленная вокруг кукольного домика, а потом опрокинутая одним махом. Как ни странно, крови нигде не было видно. В стенах дома зияли бессчетные сквозные пробоины.

Рядом с двумя потерявшими сознание или убитыми солдатами на земле валялись ракетометы. «Ракетометы?» Несколько лет назад Алисса смотрела кино об атаке на укрытие Усамы бен Ладена, и увиденное сразу же напомнило ей этот фильм.

«Мерседес» Гранта был перевернут и представлял собой пылающую грудку обломков, и Алисса была почти уверена, что в него случайно попали ракетой.

Ее дом, ее машина и даже ее двор тоже горели, воздух был полон дыма и порохового запаха. Блестящие серебристые гильзы от бесчисленных пуль усеивали лужайку.

Не успела она окинуть взглядом эту зону боевых действий, как из-за горящей машины вышел Тео Грант, тревожно озираясь по сторонам.

– Алисса! – позвал он во весь голос. – Алисса, где вы?

Похоже, его куда больше беспокоило ее благополучие, чем его собственное, и это потрясло едва ли не больше, чем тот факт, что он вообще остался в живых.

Алисса встряхнула головой, пытаясь собраться с мыслями. Как вышло, что Тео Грант уцелел – единственный из всех?

Стоя на опушке, она была вне его поля зрения. Но прежде чем она успела ответить на его отчаянный призыв, перед Грантом возникли еще двое командос и начали стрелять. Алисса ощутила резкую боль и, опустив взгляд, увидела, как по руке течет кровь.

Ее ранили! Она была на прямой линии огня одного из автоматчиков.

Автомат изрыгал сотни пуль, и держащий его солдат даже не знал, что Алисса стоит позади Гранта. От окружающих деревьев летели осколки коры – как будто на опушке леса орудовал передвижной измельчитель.

Единственным шансом на выживание было снова скрыться в лесу.

Алисса кинулась обратно в чащу, пули продолжали вздымать в воздух щепки и комья грязи вокруг нее. В слепой панике она споткнулась о выступающий корень и врезалась головой в толстый ствол дуба.

Сползая к его подножию, она все еще слышала автоматные выстрелы.

Перед ее мысленным взором возник образ Тео Гранта, и откуда-то из глубины сознания всплыла невеселая, шальная шутка: «Если я переживу это, то мне придется пересмотреть свою оценку этого самого лучшего первого свидания в моей жизни».

И с этой мыслью глаза Алиссы Аронсон закрылись, звуки стрельбы отдалились, точно во сне, и она провалилась в забвение.

Веки Алиссы затрепетали и открылись.

Жива!

Она находилась в конференц-зале, который немедленно узнала. Это был ее конференц-зал. У нее на работе. В том здании площадью десять тысяч квадратных футов, которое находилось неподалеку от университета и где размещалась ее лаборатория и рабочие кабинеты.

Женщина встряхнула головой, чтобы прогнать остатки дурмана. Ее рука была перевязана и почти не болела. Пуля, должно быть, только царапнула ее.

Конечно же, она жива: только сейчас Алисса осознала, что уже не в первый раз приходит в себя.

Она вспомнила, как очнулась в лесу позади своего дома – ее вырвал из забытья запах нюхательной соли, которую сунул ей под нос склонившийся над ней врач. Аммиачный запах, исходящий от соли, произвел то же самое волшебное действие, которое оказывал на людей со времен Римской империи: привел в действие дыхательный рефлекс и активировал симпатическую нервную систему.

Врач изучил зрачки Алиссы, замерил жизненные показатели, заставил ее сделать несколько проверочных движений и задал обычные вопросы, позволяющие убедиться, что ее мозг работает как нужно. Через десять минут тщательной проверки он сообщил, что с ней все будет в порядке, и протянул ей таблетку.

«Очевидно, это было снотворное», – подумала она, нахмурившись.

Кто-то постучал, потом дверь конференц-зала открылась, и вошел мужчина. Алисса посмотрела на него, но ничего не сказала.

– Вы проснулись примерно на десять минут раньше, чем мы ожидали, – заметил он, глядя на часы, и добавил, протягивая руку: – Я майор Грег Еловиц.

Алисса проигнорировала его приглашение к рукопожатию и обвиняющим тоном спросила:

– Вы дали мне снотворное?

Еловиц убрал руку и уселся напротив Алиссы.

– Врач решил, что так будет лучше. Это должно было дать вашему телу отдых, необходимый для излечения, а самому медику – возможность осмотреть вас более тщательно.

«Вранье», – подумала Алисса. Она никогда не встречалась с этим человеком лично, однако знала, кто он такой. Майор – по системе рангов «Блэк-Оп». Майор с широкими полномочиями. По факту он не состоял в цепочке командования «Пси-Оп», а стоял над этой цепочкой. И его звание не отражало полностью весь список его обязанностей и те силы, которые находились под его командованием.

До Алиссы вдруг дошло, что он, должно быть, приехал в Блумингтон только ради нее. Ее усыпили, дабы удостовериться, что до его прибытия она не сможет передать или получить какие-либо сведения. Образ мышления этих мерзавцев был ей хорошо известен.

– Как долго я спала? – без обиняков спросила она.

– Четыре часа, – ответил майор. – Как вы себя чувствуете? – поинтересовался он, однако по его тону Алисса поняла, что ее ответ ничуть его не заботит.

– Вы намерены мне рассказать, что происходит? Что это были за люди? Почему мой дом превратился в зону боевых действий?

Еловиц моргнул.

– Это были наши люди, – без предисловий ответил он, словно срывая с раны присохшую повязку. – И это я дал им приказ действовать.

– Наши? – с недоверием переспросила она. – Вы бросили армию, вооруженную лучше, чем та, которая штурмовала укрытие бен Ладена, на частный дом в

Блумингтоне, штат Индиана? Вы что, хотите сказать мне, что я пошла на первое свидание с заместителем бен Ладена?

– Я бы так не сказал. Но он определенно тот, кого можно назвать... человеком, представляющим для нас большой интерес.

– В смысле, он был человеком, который представлял для вас большой интерес?

Майор покачал головой:

– Я отнюдь не оговорился.

Алисса Аронсон отшатнулась, не в силах поверить.

– Вы утверждаете, что он пережил эту стрельбу? Я не видела, что случилось с ним. Я была слишком занята тем, что истекала кровью и пыталась сделать все, чтобы не погибнуть под дружественным огнем – невероятно звучит, да? Но Грант был их целью. Он никак не мог выжить после такого. Пули летели так густо, что на его месте и комар бы не уцелел.

– И все-таки он выжил, – отозвался Еловиц, сильно нахмурившись. – И к тому же сбежал. Мы уже стреляли в него прежде. Четыре месяца назад. Нашему отряду было приказано захватить его, и несколько наших лучших людей загнали его в ловушку, но он ускользнул. Мы до сих пор не совсем понимаем, как ему это удалось. На самом деле мы предполагали, что он оказался в эпицентре взрыва и погиб. Как бы то ни было, на этот раз мы решили бросить на него силы, превосходящие всякое разумение.

– И вдобавок решили пропустить ту часть, где речь шла о захвате.

Майор нахмурился еще сильнее.

– Нет, приказ был тем же самым. Захватить. Снова. Не могу точно сказать, что произошло, но мы облажались по полной. Не знаю, кто первым выстрелил, но если когда-нибудь узнаю, этот человек пожалеет о том, что родился. Грант ни за что не мог выжить. Не мог сбежать. Но он это сделал.

«Невероятно, – подумала Алисса. – Более чем невероятно. Невозможно».

– Но как?

– Мы не знаем. Наши люди выпустили достаточно пуль, чтобы положить целую армию. И все эти люди были найдены лежащими без сознания, но без малейших ран или повреждений. Мы считаем, что он мог применить новое оружие. Какую-нибудь технику массового оглушения. Скорее всего, звуковую. Концентрированные звуковые волны, которые вырубает все живое в определенном радиусе вокруг него.

– Но подумайте, ведь тогда я услышала или почувствовала бы что-нибудь, или тоже как-то пострадала бы от их воздействия. Я почти наверняка находилась в этом радиусе.

– Видите ли, мы совершенно ничего не понимаем. И это одна из тех причин, по которым нас интересует этот человек. Честно говоря, тот факт, что он удрал, втайне радует меня. Я получил строгий приказ не причинять ему никакого вреда. От мертвого не будет ни малейшего толка.

– Значит, вы его выслеживали? – холодно произнесла Алисса. Ей было трудно смириться с тем, что Грант отнюдь не был тем безобидным человеком, который так легко покорила ее душу. – Так почему же вы ждали, пока он не заявится ко мне домой, почему не попытались захватить его раньше? Неужели в Блумингтоне спецназу закон не писан?

Майор рассмеялся. Алиссе удивило, что его каменное лицо не разлетелось на осколки от непривычной мимики.

– Как я вам уже сказал, мы полагали, будто он был убит четыре месяца назад. Так что мы не выслеживали его только ради того, чтобы ни с того ни с сего напасть на него сегодня. Мы лишь вчера обнаружили, что он жив-здоров. Он попал в поле нашего зрения только тогда, когда назначил вам свидание.

«Я идиотка! – осознала Алисса. – Зашибись, как круто вышло!»

– В самом деле? – сердитым тоном осведомилась она. – За моей личной жизнью следят?

– Боюсь, что так. Но это и хорошо, вам не кажется? Это делается для вашей защиты. Сомнительно, что кто-то может узнать о том, кто вы такая и чем занимаетесь, но исключить такую возможность тоже нельзя. Мы не страдаем вуайеризмом. Но когда кто-то, задействованный в важных и тайных проектах, выстраивает новые отношения, мы присматриваем за этим. Кто бы ни пытался подойти к вам поближе – мужчина или женщина, друг или любовник – его тщательно изучают. Если нет веских причин подозревать человека в том, что он пробует сблизиться с вами под ложным предлогом, наблюдение с него снимают, и вы вольны заводить с этим человеком какие угодно отношения. Я знаю, что вы не полевой агент, но вы прошли обучение. Вы знаете, что на протяжении всей мировой истории «смазливый живец» использовался для добычи сведений, вероятно, успешнее, чем любой другой прием. Он действует как на мужчин, так и на женщин.

Алисса сжала кулаки, услышав термин, который считала нелепым. Она была в дурном настроении и едва могла сдерживаться, чтобы не обрушить свою ярость на майора. И кто смог бы винить ее? Слишком много спецназовцев и отвратительных открытий для одного дня.

Конечно же, это «смазливый живец» – термин, который использовали тайные службы, когда отправляли привлекательного агента соблазнить цель, внушить этой цели любовь или вожделение, а потом войти в доверие, чтобы использовать ее или скомпрометировать, дабы получить возможность посредством шантажа заставить человека раскрыть какую-либо государственную тайну. Но Алисса всегда считала, что наиболее эффективно это работает против целей мужского пола, которые всегда были более восприимчивы к манипуляциям со стороны знойных женщин, легко ловящих их на крючок лести и обещания секса.

Сама идея «смазливого живца» была ей отвратительна.

Переспи с мужчиной после того, как он подарит тебе ожерелье за тысячу долларов, – и ты его любовница. Переспи с мужчиной после того, как он даст тебе тысячу долларов наличными, – и ты проститутка, которую можно арестовать. Переспи с десятью мужчинами одновременно за тысячу долларов наличными, – и если это снимается на пленку, то ты порнозвезда, которая не делает ничего незаконного. Но переспи с мужчиной не ради денег, а ради

информации или возможности шантажа со стороны тайного агентства, – и многие будут считать тебя героиней. Но те же самые люди арестуют тебя, если ты будешь трахаться с тем же самым мужчиной не ради тайн, а ради денег. Человеческое поведение никак нельзя назвать однозначным, это уж точно.

Но понимание того, что она попала под наигранное очарование Тео Гранта, наполняло ее душу ненавистью и омерзением. Он изучал ее. Оценивал ее.

Конечно же, они были совместимы. Конечно же, он разделял ее интересы. Он сделал ради этого все.

Она уже начинала смотреть на него как на идеально подходящего для нее мужчину. Ей следовало помнить, что бывает, если кто-то кажется слишком идеальным, чтобы это было правдой...

И теперь, когда она поняла, что была просто целью, которую он наметил, все ее положительные чувства обратились в свою противоположность – гротескное, искаженное отражение, словно в комнате с кривыми зеркалами. Чем сильнее ее радовала прежде каждая его похвала в ее адрес, тем больше отвращения она испытывала сейчас к себе – за то, что попалась на это. Чем больше он нравился ей тогда, тем сильнее она презирала его теперь.

А он нравился ей больше, чем она готова была признаться даже себе самой. Даже в аду нет фурии яростнее, чем обманутая женщина. Но ее уже обманывали в прошлом, и то, что она чувствовала сейчас, намного превосходило тот гнев, который она испытывала в прошлом.

– Так кто же этот... – Она помедлила, выбирая из нескольких хлестких эпитетов, однако ей хватило профессионализма не озвучить их. – Этот человек, представляющий интерес?

– Когда вы условились с ним о свидании, наши компьютеры автоматически взяли его на заметку и прогнали его фото по всем нашим базам данных. Он не засветился нигде, что почти невозможно в нынешние времена. Поэтому на него решили взглянуть вживую – и опознали. Мы не знаем, как компьютеры смогли пропустить его, но поскольку именно я отслеживал его раньше, данные опознания легли на мой рабочий стол.

Еловиц пересел на другой стул, стоящий у стола совещаний, чтобы взглянуть Алиссе прямо в глаза.

– Его настоящее имя Бреннан Крафт. Он вырос в Клирлейке, штат Айова.

– Бреннан?

– Обычно он представляется по фамилии, а если называет себя по имени, то сокращает его до «Брен».

Алисса кивнула.

«Значит, прощай навеки, Тео Грант, – с яростью подумала она. – И ты, и Бреннан Крафт. Можете оба гореть в аду!»

7

Аль-Йад без малейших затруднений перебрался в свою новую штаб-квартиру, сменив шатер на резиденцию, которой позавидовали бы многие владыки прошлого. Как он и ожидал, президент Халил Наджар оказался слишком глуп и труслив, чтобы попытаться помешать его переезду. Но в этом случае трусость была правильным вариантом, ведь президент уже получил свидетельства возможностей Аль-Йада и не знал, кому из собственной армии мог доверять.

Несмотря на пышность резиденции, которая представляла собой настоящий дворец, Аль-Йад решил не отступать от демонстрации простоты и безыскусности. Он не позволил водрузить здесь фонтаны или какие-либо статуи. Обстановка была простой и скудной, и все белое, включая его бурнус и куфию, покрывающую голову.

Сейчас он уже почти час совещался в главном зале дворца с человеком по имени Ахмад, одним из его самых доверенных подручных – они обсуждали такие насущные вопросы, как число новых последователей, проблемы снабжения и финансовые поступления.

Богатые последователи Аль-Йада платили ему дань в сорок процентов своего состояния, и он был уверен, что они считают эту дань величайшей честью для себя. А какой человек не счел бы честью служить Великому – Длани Всевышнего на земле?

Хотя Аль-Йад мог увеличить свое богатство в любой момент, воззвав к своим верным последователям, Ахмад считал, что разумно будет следить за сбережениями и вложениями. Однако ничтожность этого занятия начинала раздражать Аль-Йада. Он был выше этого. Он был богом, и ему не следовало иметь дело с такими обыденными вопросами.

Но что действительно задевало его до глубины души, терзая каждый его нерв, – так это то, что он по-прежнему не мог осуществить свое божественное предназначение. Он тратил все больше и больше времени на то, чтобы размышлять об этом, рассылать своих людей по всему миру, взвешивать варианты, но до тех пор, пока он не покончит с этой огромной занозой в сидалище, он не сможет обрушить на мир свою истинную ужасающую мощь.

Аллах часто подвергает испытанию добродетель терпения, и Аль-Йад постоянно напоминал себе об этом. Он сбросил оковы человечности, дабы стать богом, и теперь был бессмертен. А что такое для бога несколько лет промедления? Всего лишь мгновение ока.

И все же, по мере того как Ахмад продолжал нудеть, раздражение из-за того, что он не может обрести свое законное место во главе собственноручно созданного им рая, где его будет чтить как бога каждое живое существо на планете, заполонило Аль-Йада. В конце концов он больше не смог сдерживать свой праведный гнев.

– Довольно! – вскричал он, обрывая своего помощника на полуслове. – Все это мелочи. Мне нужно поговорить о более важных вещах. – Он помолчал, размышляя. – Скажи мне, Ахмад, каково настроение моих последователей? Что у них в сердцах?

Ахмад с трудом сглотнул:

– Любовь и почтение к тебе, о Великий. Они слышали твои откровения и наблюдали твою мощь. Твоя слава велика. Они мечтают о земле обетованной,

куда ты отведешь их, когда сотрешь чуму неверных с лица земли.

Аль-Йад осознал, что эти слова тоже злят его. Ахмад использовал его собственные речевые обороты, что было кощунственно. Будучи богом, Аль-Йад мог позволить себе говорить языком поэзии, но Ахмаду, низменному человеческому существу, не позволено было подобное.

- Высказывают ли они какие-либо страхи? Жалобы?

- Никаких, о Аль-Йад, - поспешно заверил Ахмад, как будто сама мысль об этом была для него нестерпима. - Ты - Великий. Они лишь возносят хвалы за то, что им повезло жить в эпоху твоего прихода.

- Ты лукавишь, Ахмад.

Лицо Ахмада заблестело от испарины, хотя климат-контроль в сводчатом зале был идеально настроен. Он чуть заметно задрожал.

- Я ни за что не стал бы лгать тебе, о Великий.

- И все же люди есть люди. У них есть заботы. И у них есть жалобы. У них есть соблазны и темные уголки в душах, которые Повелитель Зла использует, дабы испытать их веру и решимость. Так что сейчас ты должен поведать мне самую главную их заботу - иначе я сокрошу тебя на месте. Я раздавлю твое сердце.

Дрожь Ахмада теперь была заметна невооруженным глазом.

- Да, о Великий, - произнес он, и каждая черта его лица отразила испытываемый им ужас. - Они высказывают мало, очень мало тревог, и лишь в редких случаях, - начал он, внезапно обнаружив, что ему трудно дышать. - Один или, быть может, двое гадают, почему мы все еще не воплощаем твое великолепное прозрение в жизнь. Они видели твое могущество и мудрость, о Великий. И они жаждут узреть мир, преображенный по твоему слову.

«Это ключевой момент», - подумал Аль-Йад. Он мог позволить себе сохранять терпение. Он был богом.

Но его последователи хотели, чтобы он нанес удар. И он не собирался объяснять им, что именно сдерживает его. Он должен усилить хватку, в которой держит их. Он должен наглядно показать, что его божественное суждение никогда не следует подвергать сомнению. Следует показать с ясностью – жестокой ясностью, – что он нанесет удар тогда, когда решит его нанести, и ни мгновением раньше.

Аль-Йад был в курсе своей растущей репутации. Мировые правительства уже начали бояться его. Он должен объяснить своим сторонникам, что желает позволить этому страху возрасти и дальше. И только когда ужас во всем мире достигнет своего апогея, Аль-Йад обрушит на этот мир свою ярость.

Однако он должен наглядно продемонстрировать свою силу. Удостовериться, что его последователи понимают: он ждет абсолютной верности, и он смотрит на них всех как на насекомых, которых может раздавить одним ударом.

– И ты согласен с ними, Ахмад? – спросил он ровным тоном.

Ахмад застыл, словно парализованный. Аль-Йад наблюдал его смятение, зная, что тот пытается понять – не испытание ли это? Но если так, то что подвергается испытанию? Его верность? Или его честность?

– Конечно нет, Великий, – произнес он, выбрав верность. – Я никогда не усомнился бы в Длани Всевышнего.

Аль-Йад уже собирался ответить, когда в зал ворвался человек по имени Тарик Бахар, едва не врезавшись в стоящий у входа мраморный постамент, на котором красовалась клетка с птичкой. Бахар был главой армии и разведки Аль-Йада. Этот человек набрал целый легион наемников и истинно верующих по всему миру, убедив их служить Великому.

Аль-Йад был рад его видеть. В отличие от Ахмада, простой функциональной единицы, неотличимой от тысяч других, Тарик Бахар обладал многими полезными и уникальными навыками.

– Тысяча извинений, Аль-Йад, – промолвил Бахар. – Я не знал, что ты занят. Я вернусь позже.

- Говори, - потребовал Аль-Йад.

Тарик Бахар многозначительно взглянул на Ахмада.

- Это замечательные, но в высшей степени тайные сведения, Великий. Быть может, нам будет лучше обсудить их наедине?

Аль-Йад бросил на него свирепый взгляд и прошипел:

- Я сказал - говори. Повторять дважды я не буду.

- Мы вычислили, где находится Шайтан, - без колебаний доложил Бахар. - И у нас есть след, ведущий к нему. - Он начал объяснять подробности, включая свои соображения о том, как им следует действовать дальше. - Прошу дозволения последовать за ним лично, - завершил он. - Немедленно.

Аль-Йад был доволен этой новостью. Это все еще не могло окончательно решить его проблему, однако обнаружение его главного врага было, по крайней мере, шагом в нужном направлении.

При других обстоятельствах тот факт, что настроение у него улучшилось, мог бы спасти жизнь его помощнику. Однако Ахмад слышал то, чего не должен был слышать. Аль-Йад вздохнул. По крайней мере, этот человек войдет в посмертие, зная, что служил Длани Всевышнего в полную меру своих способностей. Как пример для других. Разве может человек принести жертву больше этой?

Аль-Йад сделал жест в сторону Тарика Бахара и сказал:

- Разрешение даровано. Я знаю, что тебе не терпится приступить к делу скорее - и мне тоже. Но задержись еще на несколько мгновений.

Аль-Йад повернулся к своему помощнику.

- Ахмад, я огорчен твоим неверием, - без околичностей произнес он. - Но ты еще можешь помочь нашему делу.

- Чем угодно! - взмолился Ахмад.

Аль-Йад кивнул. Раздался звук, словно по залу прокатилась короткая ударная волна, и глаза Ахмада выкатились из орбит. Он схватился за грудь и рухнул на мраморный пол. Бахар был явно испуган случившимся, но сумел сохранить бесстрастное лицо.

– Я разорвал на части его сердце, – поведал Аль-Йад главе своей армии и разведки. – Он усомнился в моей правоте. Он гадал о том, почему мы еще не нанесли удар по неверным.

Хотя на самом деле это не было правдой, но такое краткое изложение лучше послужит его целям.

– Как ты знаешь, Ахмад был моим доверенным помощником. Но я требую полной, нерассуждающей верности, – объяснил Аль-Йад. – Так что, прежде чем отбыть, удостоверься, что мои последователи в точности узнают о том, что случилось здесь. Нужно заставить их в полной мере постичь, какова цена неверия.

– Как прикажешь, о Великий, – отозвался Тарик Бахар.

Аль-Йад с отвращением указал на тело Ахмада, лежащее на полу.

– И пусть кто-нибудь приберет этот беспорядок, – бесстрастным тоном добавил он.

8

«Значит, Тео Грант на самом деле Бреннан Крафт», – думала Алисса. Однако от этого знания не было ни малейшего прока. Это имя ей ничего не говорило.

В голове у нее металась десятки вопросов. Она поднялась из-за стола совещаний и достала из маленького холодильника, стоящего в углу, бутылку воды, даже не предложив майору Еловицу поделиться.

Алисса снова села на стул напротив майора и устремила на него обвиняющий взор.

– Значит, когда я была с этим Крафтом, – произнесла она наконец, – вы подслушивали? Вы слышали весь наш разговор?

Еловиц покачал головой.

– Я бы с радостью сделал это, – без обиняков ответил он. – Но у нас было недостаточно времени. Я не был в курсе вашего... свидания до предшествовавшего ему утра.

– И все равно у вас была масса времени, чтобы поговорить со мной, – отрезала Алисса. – Вы знали, какую игру ведет этот мерзавец, и не предупредили меня?

– Я не мог. Я не хотел рисковать тем, что вы случайно можете насторожить его. Бреннан Крафт слишком ценен. Но могу вас заверить, что никакая опасность вам не грозила. К тому моменту, когда Крафт заехал за вами, ударный отряд еще не был готов, однако мы были уверены, что он не попытается ничего сделать – по крайней мере, до тех пор, пока не отвезет вас обратно домой.

Алисса сорвала крышку с бутылки и сердито отхлебнула воды. Они были уверены! Как это успокаивает!

– И вы проделали отличную работу, отвлекая его, пока мы готовились, – добавил майор.

«Ну да, – сухо подумала она, – я его отвлекала. В этом и заключалась моя цель. Все для родной страны, пусть даже я сама не в курсе того, что делаю».

Ей не грозила никакая опасность? Это было самое нелепое утверждение, какое она когда-либо слышала. По словам майора, Крафту тоже ничего не грозило – пока не разверзся ад. И то, что Алисса кое-как сумела спастись от смерти под градом пуль, летящих в ее сторону, едва ли можно было расценивать как полное отсутствие опасности.

В течение нескольких долгих секунд она смотрела на Еловица, но потом решила не развивать конфликт дальше.

– Расскажите мне о Бреннане Крафте.

– Детство у него было самым обычным. Его отец умер, когда Бреннану было четырнадцать лет, после этого его растила мать. Он был хорошим мальчиком. Талантливым. Одним из четырех подростков из Айовы, набравших высший балл на вступительных экзаменах в тот год, когда он проходил эти экзамены. Насколько нам известно, он был хорошо социализирован, у него никогда не было проблем с законом. – Майор помолчал. – Он любил физику и другие естественные науки и еще в школе преуспевал по этим дисциплинам. А еще у него был талант в программировании. Просто Моцарт компьютерных языков. Он мог бы поступить в Гарвард или Массачусетский технологический. Догадаетесь, куда он пошел?

Алисса покачала головой:

– Понятия не имею.

– В теологическую семинарию. Чтобы стать католическим священником.

Это изумило женщину.

– Вы не шутите?

– Не шучу. Но именно тогда он начал доставлять неприятности. Насколько мы можем воссоздать ситуацию, он пошел в семинарию потому, что был воспитан ревностной католичкой, и его мать всегда мечтала о том, что ее сын станет священником. Судя по всему, он тоже был глубоко верующим человеком. Так что, дав слово у смертного ложа матери, что пойдет в духовенство, он намеревался сдержать это обещание, хотя мы полагаем, что у него были некоторые колебания.

– Пока что то, что вы описываете, не очень похоже на портрет Главного Злодея Америки.

– Почти сразу же он начал восставать против правил. Он писал письма, предлагая церкви пересмотреть правило «никакого секса, никакого брака» в отношении священников.

– Может быть, у него в тот момент завязался роман? – предположила Алисса.

– Мы так не думаем. Однако нам известно, что он обладал блестящим умом и быстро постиг все аспекты науки о человеческой сексуальности. Он утверждал, будто эта наука доказывает критическую важность физических отношений для установления здорового баланса биохимии в мозгу. Дети, которым не хватает объятий, вырастают жестоко травмированными психологически. Не только секс, но и любые прикосновения высвобождают в организме уйму химических веществ, оказывающих самое различное воздействие на мозг. Я читал его письма, но не помню точно те химические и нейробиологические термины, которые он приводил. – Майор приподнял брови. – Однако полагаю, что вам эти данные тоже знакомы.

– Да. И я согласна с ним. Ходит шутка, что отсутствие секса делает людей более раздражительными, мешает мыслить ясно, приводит к разного рода конфликтам. Так вот, это отнюдь не шутка. Секс – критически важная потребность, и с моей точки зрения, его вклад в физическое и психическое здоровье человека нельзя недооценивать.

Майор Еловиц улыбнулся и заметил:

– У вас с Бреннаном Крафтом действительно много общего.

– Нет! – сердито рявкнула Алисса. – Он просто старался заполнить свой профиль на сайте онлайн-знакомств так, чтобы это максимально совпадало с моими интересами. Это совпадение было слишком полным, чтобы быть настоящим.

– Как ни странно, – возразил майор, склонив голову набок, – оно действительно было настоящим. Крафт ввел вас в заблуждение относительно своих намерений, но насколько я могу судить, говорил правду о своих интересах и о том, какой тип личности предпочитает в общении. Может быть, он и использовал вас, но вы с ним действительно в высшей степени совместимы. По крайней мере, на бумаге.

Алисса нахмурилась, не уверенная, обрадовала ее эта информация или огорчила.

– Что касается отмены целибата, – продолжил Еловиц, откидываясь на черную сетчатую спинку своего офисного стула, – Крафт также приводил исчерпывающие аргументы в пользу того, что существующая политика церкви в этом отношении может иметь побочный эффект – привлечение тех, кто борется со своей сексуальностью.

– В каком смысле?

– Он утверждал, что молодые люди, верующие и чистые душой, как он сам, однако наделенные здоровым сексуальным аппетитом и желанием когда-нибудь создать семью, с меньшей вероятностью пойдут в семинарию, пока над священством тяготеет правило целибатного поведения. Для многих это слишком тяжелая жертва. Но представьте себе молодого мужчину, питающего нездоровый интерес к детям и старающегося подавить этот интерес. Этот мужчина может воспринять обет целомудрия как инструмент, способный помочь ему в борьбе с его внутренними демонами. Однако это не всегда приводит к успеху.

– Понимаю, – произнесла Алисса. Это был интересный тезис. Даже если это было верно всего для одного процента священников за все времена со дня основания католической церкви, предложенные Крафтом изменения должны были обогатить подобного рода учреждение. А отрицающие свою сексуальность члены общества таким путем могли достигнуть значительных улучшений в физическом и психическом здоровье, и это, вероятно, привело бы к ряду далеко идущих последствий.

– На самом деле, я не могу отрицать правильность его аргументации, – добавил Еловиц. – Крафт – блестящий писатель и логик и может быть весьма убедителен.

– Церковь восприняла его всерьез?

– Не особо. В итоге, разочарованный тем, что ему даже не назначили слушания, которые могли бы породить дальнейшие дебаты внутри церкви, он ушел, пробыв священником всего восемнадцать месяцев.

Еловиц подошел к холодильнику и тоже добыл себе бутылку воды.

– Однако девственность он потерял только через месяц после того, как оставил церковь, – сказал он, закрывая дверцу холодильника. – Надо отдать ему должное – он мог не соглашаться с celibатом, но, судя по всему, соблюдал его.

– А откуда вам известно, когда он потерял девственность? – спросила Алисса.

– Он писал об этом. Пытался продолжить спор в личном блоге, но это тоже ни к чему не привело.

– Хотела бы я почитать этот блог, – заметила Алисса, улыбнувшись в первый раз с момента атаки на ее дом. Отвратительное настроение наконец-то начало отступать. От природы она была достаточно жизнерадостной, не обделенной чувством юмора и злиться могла лишь ограниченное время.

– Я пришлю вам ссылку по электронной почте, – пообещал майор. – Но Крафт описывал свой первый сексуальный опыт как нечто совершенно головокружительное. Потрясающее. Жизнеутверждающее.

Алисса не могла не задуматься о том, каким это великолепное соитие было с точки зрения участвовавшей в нем женщины, которую Крафт наверняка сделал центром своей вселенной после того, как настолько долго отказывался от своей природы. Конечно, для женщины это могло быть ужасно, но Алисса подозревала, что скорее оно было забавно.

– В то же время он начал посещать курсы, посвященные квантовой физике, – продолжил майор, возвращаясь на свое место. – Ученая степень его не волновала, он просто любой ценой хотел стать специалистом – мирового класса, если уж на то пошло.

– Я полагаю, квантовая механика – действительно наш общий интерес, – отметила Алисса. – Хотя он делал вид, что знает ее только на любительском уровне, как и я.

Еловиц почесал в затылке.

– Так что же именно это за наука? – спросил он. – Крафт отлично знаком с вопросом, поэтому мне нужно знать хотя бы основы этого.

– Основы – это практически все, что я могу вам поведать, – отозвалась Алисса, – даже после прочтения нескольких книг по этому предмету. – Она помолчала, чтобы собраться с мыслями. – Во-первых, вам следует знать, что это самая успешная теория в истории науки. Предположения, высказанные в этой области, сбываются раз за разом с пугающей точностью. И примерно тридцать процентов нашей экономики основывается на наших знаниях в этой области. Компьютеры, сотовые телефоны, МРТ, лазеры, да масса всего.

Еловиц откинулся на спинку стула с задумчивым выражением на лице.

– Теория относительности работает в мире крупных объектов. Она имеет дело с гравитацией, массой и скоростью. Квантовая механика действует в случае очень мелких объектов. Элементарных частиц – например, электронов. То и другое рисует нам картину Вселенной, кажущуюся нелепой. Более безумную, чем можно вычитать в любом фантастическом романе.

– Например? – поинтересовался Еловиц.

– Теория относительности утверждает, что, по мере того как объект набирает скорость, время для него движется все медленнее и медленнее. При достижении скорости света время полностью останавливается.

– Вы правы. Это звучит как выдумка безумца.

– Это подтверждено и уже не подлежит сомнению. Для наших GPS-спутников на орбите время движется с другой скоростью, чем для нас здесь, внизу. Уравнения Эйнштейна для этого расхождения оказались совершенно верны. Именно так устроена Вселенная. Это звучит, с нашей точки зрения, парадоксально, потому что для того, чтобы заметить этот эффект, нам нужно перемещаться в миллионы раз быстрее, чем мы это делаем сейчас. – Она снова ненадолго умолкла. – Что касается квантовых эффектов, они в основном действуют на субатомном уровне. Другой мир, который люди не могут ни увидеть, ни ощутить.

Она задумчиво склонила голову.

– Это как если бы рыба-профессор учила других рыб – ну, понимаете, в рыбьем университете, – добавила она, усмехаясь собственной шутке, – теории воздуха. Рыба-преподаватель может доказывать все, что угодно, но какой бы умной рыба ни была, эта концепция всегда будет парадоксальной для существа, которое живет в воде и не знает другой среды обитания.

– Хорошая аналогия, – согласился Еловиц.

Алисса сделала глубокий вдох. Квантовую теорию было почти невозможно в должной мере разъяснить за столь короткое время. Эта теория казалась бессмыслицей. Она была безумной настолько, что в сравнении с ней теория относительности выглядела разумной.

Она начала с описания эксперимента, который все считали самым важным из когда-либо проведенных опытов: эксперимент на двух щелях.

Прорежьте в металлической пластинке две щели, расположенные рядом, и поместите позади пластинки экран. Теперь пропустите через щели поток фотонов и наблюдайте световой узор, который они образуют на экране.

Если фотоны ведут себя как частицы, вы можете ожидать увидеть на экране две линии, расположенные точно напротив щелей. Если фотоны ведут себя как волны, пики и спады этих волн, проходящих через две щели, будут накладываться друг на друга и создавать узор, похожий на штрихкод. Это был очень простой эксперимент, и ожидалось, что он даст очень простой результат.

Но нет: результат оказался невозможным.

Если проделать эксперимент с потоком частиц, вы получите волновой рисунок – «штрихкод». Довольно просто. Но если пропускать электроны – или, если уж на то пошло, любые другие частицы – по одному, вы все равно получите волновой рисунок.

Это было попросту невозможно. Как могли фотоны интерферировать друг с другом, если они проходили через щель поодиночке? Один фотон или электрон не может разделиться, пройти через обе щели разом, как волна, и интерферировать сам с собой. И все же он это делал.

Что еще более странно, когда пытались схитрить и наблюдать за щелями, чтобы увидеть, как фотоны расщепляются и проходят через оба отверстия, фотоны переставали это делать. Вы вдруг получали рисунок из двух линий, характерный для частиц. Природа словно знала, что за происходящим наблюдают.

Это было лишь толикой безумных эффектов квантовой механики. Частицы могли соединяться, перепутываться, и между ними существовала какая-то мгновенная метафизическая связь, распространяющаяся на всю Вселенную. Частицы могли находиться в бесконечном множестве мест одновременно, появляться и исчезать в случайном порядке, создавать энергетическую «пену» в космическом вакууме.

На этот счет уже давным-давно есть теория, гласящая, что частица может быть где угодно до того момента, как за ней начнут наблюдать. А в этот самый момент она сразу же оказывалась в определенной, конкретной точке. На каком-то уровне само существование Вселенной зависит от наличия наблюдателей, наделенных разумом.

Выводы, которые подразумевает эта теория, более века заставляли физиков рвать на себе волосы и ставили под сомнение все фундаментальные представления человечества о природе бытия. Если наблюдатель может путем наблюдения изменять Вселенную, не может ли оказаться так, что Вселенной для существования необходимы разумные существа?

Когда Алисса завершила свое краткое пояснение, то Еловиц с трудом смог в это поверить – как все, кого когда-либо вводили в суть вопроса. Но она знала, что дальнейшие объяснения не помогут рассеять его недоумение. Пора было вернуться к Бреннану Крафту.

– Вы сказали, что Крафт стал настоящим специалистом в квантовой физике, – напомнила Алисса. – Кто это утверждает?

– Практически все. Сотрудники всех ведущих университетов знакомы с его работой. Многие называют ее революционной.

– И он так и не получил официально ученую степень?

– Нет.

Алисса обдумала это. Крафт явно был гением, какие рождаются в лучшем случае раз в поколение. Достигнуть вершин в такой области науки, как квантовая физика, без официального обучения в высшем учебном заведении... это было почти неслыханно.

– Одновременно он также составил некий компьютерный алгоритм, – продолжил Еловиц. – Я не могу описать, что именно он сделал, потому что сам не до конца это понимаю. Но достаточно сказать, что это был небывалый прорыв в обработке, анализе и хранении данных. Крафт продал этот алгоритм Эбену Мартину.

– Тому самому Эбену Мартину? – переспросила Алисса. – Миллиардеру? – Но еще выговаривая эти слова, она поняла, что вопрос глупый. Это был единственный Эбен, о котором она слышала, – он сам, произнося это имя, четко выговаривал в начале «Э», а не «И», как предполагало написание [б - Начальная буква фамилии Eben находится в открытом слоге (за согласной, находящейся после нее, сразу следует новая гласная), поэтому по правилам английского языка в подавляющем большинстве случаев читается как в алфавите, то есть «и»].

– Да, только тогда он не был миллиардером. Эбен Мартин создал «Informatics Solutions» на основе алгоритма Крафта. Крафту не нужны были деньги. Вместо этого он получил акции Informatics Solutions. Год спустя он продал их за пятьдесят миллионов долларов.

У Алиссы едва не отвисла челюсть.

– Пятьдесят миллионов долларов? – повторила она.

– Может быть, мне следовало бы сказать – всего за пятьдесят миллионов долларов. Если бы он подождал еще несколько лет, эти акции ушли бы уже за миллиарды.

– А он еще притворялся, что беден, – пробормотала Алисса.

– Он ведь не заставил вас оплачивать счет за двоих? – насмешливо поинтересовался Еловиц и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Итак, став признанным лидером в этой области, а на досуге создав продукт интеллектуальной собственности и обеспечив себя на всю оставшуюся жизнь,

Крафт вдруг ушел в тень. Мы думаем, что именно тогда он начал съезжать с катушек. Мы подозреваем шизофрению, как у Унабомбера[7 - Унабомбер (от англ. «university and airline bomber» – «подрывник университетов и авиалиний») – прозвище, данное ФБР талантливому математику и технику Теодору Джону Казински (Качински), который обратился к террору и в 1970–1990-х гг. рассылал по почте взрывные устройства, рассматривая это как «революционное действие против индустриальной системы» (его собственная формулировка).], который был непревзойденным гением математики, а потом стал параноиком и преступником. Как бы то ни было, Крафт продолжал читать бесчисленное множество трудов по религии и метафизике. Снова он объявился несколько лет спустя в качестве последователя Бернарда Хайша.

Алисса вопросительно посмотрела на майора.

– Хайш – выдающийся ученый, уважаемый в научном мире, его труды хорошо публикуются. Но, помимо того, в 1997 году он написал книгу под названием «Теория Бога». Эта теория захватила Крафта.

– Хайш пытался основать новую религию?

– Нет. Он просто написал книгу, где изложил свои идеи. А с чего вдруг такой вопрос?

– Вы сказали «последователь».

– Вы правы. «Ученик» было бы точнее. На самом деле, поскольку Крафт никогда не встречался с Хайшем лично, «ученик» тоже не подходит. Лучше сказать «сторонник».

– Сторонник «Теории Бога»?

– Да. Я ее не читал, но мне рассказывали: в ней говорится, что все мы вроде как часть Бога. Что мы и Вселенная скорее результат разделения, чем дополнения. Я знаю материал недостаточно хорошо, чтобы о нем судить, но мне известно, что Крафта эта идея захватила полностью.

Майор допил воду и поставил опустевшую бутылку на стол.

– А потом ни с того ни с сего он вдруг провел два года, погрузившись в то, что именуется «праноедением». Вы когда-нибудь слышали об этом?

– Нет.

– Это название происходит от индийского слова «прана» – что-то вроде невидимой энергии, разлитой в воздухе. Люди, которые вовлечены в этот... скажем так, культ, за неимением лучшего слова... Так вот, они верят, что пища не является необходимой для жизни. Последователи праноедения якобы ничего не едят десятилетиями и остаются живыми и бодрыми.

– Вы не думаете, что они, скорее всего, жульничают? – спросила Алисса, закатывая глаза.

– Именно так я и думаю. Но люди, занимающиеся подобными вещами, клянутся, что им известны задокументированные, тщательно зафиксированные случаи. Другое название этого течения – солнцеедение. Но, как ни назови, они верят, что необходимости в традиционном питании нет. Что их жизнь может поддерживать один только солнечный свет или пресловутая прана – словно йогов в Древней Индии.

– Ну хорошо, сначала «Теория Бога», потом праноедение. Значит, у этого человека появились какие-то эклектические интересы, которые, похоже, становятся все более странными.

– Но этот последний интерес он пытался воплотить в жизнь, – отметил Еловиц. – Он сам начал голодать. За шесть месяцев его несколько раз доставляли на «Скорой помощи» в больницу и клали на внутривенное питание – иначе он умер бы.

– Похоже, что после такого он должен был разочароваться в этой идее, верно?

– Это было бы логично. Однако не разочаровался. Потому что после этого он объехал весь земной шар, – завершив свое турне в Афганистане, – в поисках людей, которые, по свидетельствам, пережили длительную голодовку. Мы провели кое-какие исследования, и могу сказать, что многие из этих праноедов были хуже, чем сумасшедшими. Сказать, что они были невменяемыми, заблуждающимися, чокнутыми – да что угодно! – означало бы польстить им.

– Но это не разубедило Крафта.

– Ничуть. Он потратил на это несколько лет. Возможно, потому, что сам окончательно рехнулся.

Алисса нахмурилась:

– Может быть, он и рехнулся, а может быть, просто дурачил вас. Мне он показался самым здравомыслящим человеком из всех, кого я знала. Разумным, рассудительным, убедительным.

– Многие люди с серьезными психическими отклонениями могут, преследуя свою цель, выглядеть разумными. Подавлять свое безумие, так сказать. – Еловиц сделал паузу. – Мы знаем также, что он приобрел несколько очень дорогих весов, из тех, на которых можно взвешивать мельчайшие доли унции. Так что, может быть, он, помимо всего прочего, торгует наркотиками. В Афганистане это обычное дело, – заметил майор. – Мы обнаружили это только после того, как он нас заинтересовал. Ничто из тех действий, которые я описал, не привлекло бы нашего внимания.

– Так что же заставило вас следить за ним?

– Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Омар Хаддад?

– А должна была слышать?

– Нет. Мой вопрос был глупым. Вы никак не могли слышать о нем. Он сириец. Сказать, что его прошлое было непримечательным, означает польстить ему. Но в последнее время он начал фигурировать под двумя именами: «Великий» и «Аль-Йад». Кстати, последнее переводится как «рука» или «длань». Сокращение от «Длань Всевышнего». Мне сказали, что «йад» означает «рука» как по-еврейски, так и по-арабски.

– По вашим словам вырисовывается портрет какого-то безумца.

– Да. Но безумца, чья мощь и влияние растут с невероятной быстротой. Он собрал огромное множество последователей. Есть сведения, что сирийское

правительство подумывает запросить у нас помощи, чтобы справиться с ним.

– Вы шутите? Чтобы сирийцы попросили самую нелюбимую ими страну, Великого Врага, помочь им? В каких-то внутренних разногласиях? С чего бы нам помогать им справиться с одним из их граждан?

– Мы не знаем. Однако поступали данные о том, что они пытались сделать это сами. Всех подробностей мы не выяснили, но Аль-Йад пугает их. И, учитывая его быстро растущее влияние, он пугает и нас тоже. Его последователи действительно считают его боговдохновенным пророком, даже мессией или чем-то вроде бога. Его речи просто возмутительны. Мол, он уничтожит весь Запад, покарвав неверных, превратив улицы в реки крови, очистит землю от недостойных, и лишь тем, кто примет его как Длань Всевышнего, он позволит жить и изменит мир по своему желанию. Что-то вроде того.

Майор подался к Алиссе.

– Сейчас он считается приоритетом номер один Государственного департамента. Мы не знаем, на что он способен, но люди его боятся. И я имею в виду сирийских террористов – они его боятся.

– Он совершал какие-нибудь крупные террористические акты?

– В том-то и дело – никаких. По крайней мере, насколько нам известно. И это полная бессмыслица, если брать во внимание его учение и его речи, которые настолько пропитаны ядом, что Гитлер в сравнении с ним кажется пацифистом-хиппи. Что мы только не делали, чтобы добраться до него, но у нас ничего не вышло. До нас доходили какие-то слухи, однако никто не смог подобраться достаточно близко к этому человеку. Я не могу вдаваться во все отчеты наших наблюдателей, однако он беспокоит многих людей.

– И какое отношение все это имеет к Крафту?

– Может быть, никакого. Может быть, всякое. Мы исследовали прошлое Хаддада, просматривали снимки с разведывательных спутников, выискивая его изображения, сделанные до того, как он появился на международной сцене в качестве Аль-Йада. И мы нашли ряд фотографий, на которых он и Крафт засняты вместе. Похоже, они были друзьями или как минимум приятелями.

Алисса несколько секунд размышляла над этим.

– Значит, вы рассматриваете Крафта как способ справиться с этим Аль-Йадом? Единственный, существующий на данный момент?

– Именно. Человека, с которым вы ходили на свидание. Человека, таинственным образом ускользнувшего из нашей сети, раскинутой вокруг вашего дома. Он может быть ключом к загадке, которую являет собой Омар Хаддад – Аль-Йад.

Майор нахмурился и тяжело вздохнул:

– И если хоть малая доля тех слухов об Аль-Йаде, что доходили до нас, верна, то это самый опасный человек на земле.

9

Бреннан Крафт мчался через лес, окружавший дом Алиссы Аронсон.

«Вот это да, просто невероятная глупость! – думал он, однако, пытаясь сохранить сосредоточенность, он заставил себя криво улыбнуться и перестать грызть себя. – Ну ладно, я не идеален. Будь я идеален, жизнь была бы куда менее интересной».

Эти уговоры помогли намного меньше, чем он рассчитывал. Обращенные к себе призывы не беспокоиться об этой ошибке не могли полностью помочь ему отрешиться от обычного человеческого раздражения.

Задним числом все было ясно как божий день. Конечно же, тайные службы отслеживали деятельность своих людей с высокой степенью доступа – в частности, когда те размещали свои профили, настоящие или вымышленные, на открытых сайтах знакомств. И кто мог их винить, честно говоря? Им приходится с подозрением относиться к посторонним людям, которые пытаются пролезть в жизнь важных сотрудников – возможно, эти люди надеются получить рычаги давления, воспользоваться ими в своих целях, выведать какие-то секреты. Как

он мог подумать, что подобная идея пришла в голову только ему одному?

Идиот!

Он заставил себя думать о светлой стороне этого дела. Он выбрал Алиссу Аронсон потому, что из горстки тех, кто обладал подобными знаниями, именно к ней он мог надеяться подобраться ближе всего. Установить с ней отношения. И он оказался прав. Он действительно попал в точку.

Их свидание проходило как нельзя лучше. Через несколько недель он, несомненно, завоевал бы ее доверие, а потом открылся бы ей. Сделал бы ее своей союзницей.

Но теперь...

Теперь она будет сторониться его. Нет, это недостаточно сильное слово. Скорее всего, теперь она его возненавидит.

Но даже если так, он воспринял их совместимость как знак свыше. Они были просто предназначены для того, чтобы работать вместе.

Однако он определенно сделал все, чтобы значительно осложнить себе жизнь.

Власти, вероятно, считали его мертвым. Теперь они узнали, что он жив. Хорошая новость заключалась в том, что ему удалось взломать все нужные компьютеры и изменить алгоритмы правительственной программы биометрического поиска. Он точно знал параметры своего лица – черты, текстуру кожи и так далее, – на которые должны были отреагировать распознающие программы.

Поэтому он не стал вмешиваться в работу бесконечного числа камер наблюдения по всей стране – это было бы невозможно. И не стал удалять свои снимки из системы. Его лицо присутствовало там. Он просто внес в код мелкие изменения, чтобы любое его изображение, которое в противном случае было бы опознано системой, оказалось искажено ровно настолько, чтобы избежать сличения. И даже сейчас, когда они поняли, что он это сделал, Бреннан был уверен, что им не сумеет найти эти крошечные изменения.

Но хотя он перепрограммировал распознающие компьютерные системы, перепрограммировать человеческий мозг он не мог. Любой человек, видевший его прежде, по-прежнему мог его опознать.

И все же люди, выслеживавшие его, слишком привыкли полагаться на камеры, установленные на дорогах, в магазинах и так далее. И это означало, что они вряд ли пошлют кого-то в те места, которые легко можно увидеть при помощи камер. Поэтому, если он будет постоянно оставаться в поле зрения камер, у него меньше шансов попасться на глаза тому, кто сумеет его идентифицировать.

Выйдя из леса, Крафт достал телефон, чтобы проверить, где он находится. Он сделал большую ошибку, но был уверен, что найдет способ ее исправить. Пока он бежал через лес, у него сложился план действий.

Зайдя в ближайшее кафе, он вызвал такси и попросил отвезти его в международный аэропорт Индианаполис, находившийся менее чем в часе езды. Прибыв на место, он расплатился с таксистом, улыбнулся и прошел в здание терминала. Там в маленьком магазине он приобрел новый костюм и переоделся в него.

Затем под вымышленным именем арендовал машину: благодаря своему умению вмешиваться в работу программ он знал, что его действия не попадут в поле зрения тайных служб.

Менее чем через час он припарковался на стоянке Индианского университета: кампус размещался практически в лесу, и великолепные здания, выстроенные из известняка, были бы вполне уместны, допустим, в Хогвартсе.

От него ждут, что он удерет подальше. Значит, вместо этого он останется здесь, прямо в сердце Блумингтона.

Но он делал это не только по тактическим соображениям. У него по-прежнему были виды на Алиссу Аронсон, и он желал оставаться поближе к ней. И ему был нужен доступ к самому продвинутому компьютеру в этом регионе – и этот компьютер размещался в университете. Суперкомпьютер Индианского университета, именуемый «Биг Ред II», находился в здании Кибер-Инфраструктуры, и обладал невероятной скоростью обработки данных: тысяча триллионов операций с плавающей точкой в секунду.

Через несколько минут Крафт оказался возле одного из трех компьютерных залов университетского городка. Зал был заполнен десятками терминалов, соединенных с центральным компьютером университета. А через центральный компьютер Крафт мог без особых трудностей подключиться к «Биг Ред II». По всему периметру зала шли большие окна, отчего помещение становилось похоже на аквариум, но тут уж ничего не поделаешь.

В этот субботний день в зале сидела лишь горстка студентов, большинство терминалов были свободны. Дверь была заперта, и, для того чтобы войти, нужен был электронный пропуск. Крафт негромко постукивал по двери до тех пор, пока сидящий ближе всех студент, небритый молодой человек в сине-золотом свитере с надписью «Альфа Эпсилон Пи», наконец не встал и не открыл дверь.

– Здравствуйте, – произнес Бреннан Крафт, – я пришел навестить своего племянника, он работает над групповым проектом в соседнем здании.

Студент прищурился, и Крафт понял, что нужно переходить к сути вопроса.

– В общем, мой телефон почему-то не подключается к Интернету. Вы не против, если я поработаю на компьютере, пока жду его?

– Конечно, – дружелюбно ответил парень. – Но вы не сможете войти в Сеть без студенческого логина-пароля.

Крафт улыбнулся. Он не сомневался, что сумеет в кратчайшее время взломать любой из этих терминалов.

– Честно говоря, я знаю пароль Люка – моего племянника. Так что все будет в порядке.

Студент пожал плечами и открыл дверь пошире, чтобы Крафт мог войти.

Крафт выбрал самое уединенное рабочее место, которое сумел отыскать – такое, чтобы монитор не было видно через окна в стенах зала. Он знал, что ему потребуется некоторое время на выполнение всех задач. Как бы умело он ни обращался с компьютерами, у него тоже были свои пределы.

Но у него не было сомнений, что если он сохранит спокойствие, то добьется того, что ему нужно. Через день или два он, возможно, сумеет задействовать компьютеры Министерства обороны и Агентства национальной безопасности, чтобы установить наблюдение за Алиссой Аронсон. Выследить ее. Узнать о ней еще больше. Выяснить, как ее начальство отреагировало на его появление.

Компьютеры АНБ были самыми защищенными в мире. Но он взламывал их и прежде и был одним из тех немногих людей в мире, кому хватало умения оставить для себя тайную лазейку. Лазейку, способную уцелеть после бесчисленных сканирований и обновлений системы безопасности.

Но даже при этом условии ему еще нужно было докопаться до этой лазейки из того места, где он сейчас находился. Сначала залезть в университетский компьютер, чтобы сделать себе общий пропуск и разрешение на парковку, потом воспользоваться кабинетом одного из преподавателей, находящихся в отпуске. Еду и место для ночевки он мог добыть позже, уже вечером, а зубы почистить в одной из общественных умывален университета. Помимо того, Крафт полагал, что сможет найти здание, где есть хотя бы одна частная душевая. Нужно было всего лишь добыть поэтажные планы всех строений кампуса.

Здесь, в университетском городке, он мог спать, принимать душ и есть. Но самое главное, здесь он мог работать. Неустанно работать. Он вырыл себе нору и найдет способ прокопать из нее лазейку в нужное место. Он проследит за Алиссой Аронсон и тщательно спланирует свои дальнейшие действия.

А еще он должен узнать о том, что поделывает в последнее время человек по имени Омар Хаддад.

Крафт знал, что совершил ошибку. Огромную ошибку.

Но сейчас нужно было понять, пробудила ли эта ошибка только одного спящего гиганта – или сразу двух.

Алисса Аронсон оставила майора в конференц-зале и направилась в туалет.

Она наконец-то поняла, ради чего была предпринята облава на Крафта. Еловиц отчаянно хотел расспросить его в надежде найти управу на Аль-Йада. Однако майор не был уверен, что Крафт будет в состоянии помочь ему, он лишь надеялся на это. Так могла ли эта надежда оправдать его действия?

Вернувшись в конференц-зал, она добыла из холодильника вторую бутылку воды. День выдался очень долгий. Без малейших преувеличений – самый насыщенный за всю ее жизнь. Быть похищенной с собственного крыльца, наблюдать операцию спецназа, развернувшуюся во дворе, получить пулевое ранение – любое из этих событий могло бы само по себе сделать этот день запоминающимся.

Когда Алисса вернулась на свое место напротив майора, он вглядывался в экран своего телефона, однако быстро сунул устройство обратно в карман и взглянул на нее.

Алисса вздохнула и произнесла:

– Ладно, давайте я попробую угадать. Вам нужно было поговорить с Крафтом и узнать, что ему известно об Аль-Йаде. Но сам Крафт не сделал ничего плохого или незаконного. Верно?

Еловиц кивнул:

– Если уж на то пошло, нам неизвестно ни о каких терактах, совершенных Аль-Йадом. Но что с того? Гитлер был Гитлером еще до того, как вторгся в Польшу. Рано или поздно это произойдет. А когда произойдет, это будет что-то большое и ужасное.

– Вы меняете тему, майор. Я говорила о Крафте. Вы ясно дали понять, почему вам так важно добраться до Аль-Йада. Но то, что случилось сегодня возле моего дома... подобные вещи создают «Блэк-Опу» и армии дурную репутацию. И «дурную» – это еще мягко сказано. Послушайте, я ужасно зла на Бреннана Крафта из-за того, что он пытался меня использовать. Но если я ничего не упустила, он гражданин США, и ни разу даже не был оштрафован за неправильную парковку. Однако он стал целью отборного отряда командос – и

случилось это в частном владении. Можно ли найти более вопиющий пример злоупотребления властью в отношении гражданина США?

Еловиц покачал головой:

– Никто не предполагал, что до этого дойдет. Честное слово. Мы собирались всего лишь захватить его. Не знаю, что именно пошло не так. И я понимаю, что даже захват был превышением власти.

– Вы так считаете?

– Но если бы все прошло по плану, – продолжил майор, – если бы не началась стрельба и нам удалось бы просто поговорить с ним... я имею в виду, в некоторых случаях цель оправдывает средства. Аль-Йад намеревается убить тысячи, возможно, миллионы людей, если мы не сможем с ним справиться. И он это сделает, я чувствую.

– Даже несмотря на то, что до сих пор он не совершил ни одного теракта?

– Мы не знаем, чего он ждет. И это в некотором смысле еще больше пугает, чем открытый терроризм. Мы что-то упускаем в общей картине. Но кровопролитие грядет. Этот тип слишком фанатичен и безрассуден, чтобы этого не произошло.

Алиссу было не так-то легко пронять аргументом «цель оправдывает средства». Сколько жестокостей совершалось под прикрытием этого самого довода?

– И есть кое-что еще, – снова заговорил майор. – Даже если бы Аль-Йад был совершенно ни при чем, это «кое-что» могло оправдать нашу попытку силой склонить Бреннана Крафта к беседе.

– И что же это?

– Собирая информацию по Крафту, мы обнаружили в информационном облаке кое-какие его поисковые запросы, сделанные через Интернет. В последнее время он проводил обширное исследование по мировым правительствам. Автократии, тоталитарные режимы, теократии и демократии. Он изучал революции. То, как наиболее эффективно свергать правительства. Слабые

места. Ключевые точки. Как организовать правительство с минимальным числом сторонников. Он словно бы готовился захватить весь мир практически без подготовки и без людских ресурсов.

– Вы точно не выдумываете это на ходу? – саркастически пробормотала Алисса. – Давайте перечислим то, что я поняла из уже сказанного вами. Бреннан Крафт из блестящего школьника становится священником-бунтарем, – начала она, загибая по пальцу на каждый пункт. – Потом гением квантовой физики. Одновременно он использует свои навыки программиста, чтобы стать мультимиллионером. После чего последовало увлечение «Теорией Бога». – Она задумчиво склонила голову, вспоминая, не упустила ли чего-либо. – А потом он вдобавок сделался идейно голодающим.

– Праноедом, – поправил Еловиц.

– Верно, праноедом. Крафт стал сторонником праноедения и в процессе несколько раз едва не умер. И наконец, оказалось, что он друг самозваного божка. И был им задолго до того, как этот бог вообще привлек хоть чье-то внимание. И после всего этого Крафт занимается изучением всех политических систем и лучшего способа свергнуть их. Я ничего не упустила?

– Нет. Вы верно все подытожили. Этот человек сумасшедший, но нельзя отказать ему в гениальности, иначе он был бы просто скучен. Он словно бы перескакивает от одной безумной цели к другой, без какой-либо видимой последовательности или причины.

– Это все? – с кривой улыбкой осведомилась Алисса. – Он ведь не является звездой своего собственного реалити-шоу или что-то в этом духе?

Еловиц проигнорировал ее сарказм:

– Мы знаем о нем еще кое-что, но самые важные подробности я рассказал.

– Значит, сейчас он увлекся гипнозом, верно? – спросила Алисса. – Неожиданно заинтересовался им? После всех его прошлых увлечений это было бы неудивительно. Но как он узнал, кто я такая и чем занимаюсь?

Майор покачал головой:

– Хороший вопрос. Это, конечно, возможно сделать, но очень, очень сложно.

– Значит, ему был нужен доступ к каким-то наркогипнотическим веществам, которые я помогала разрабатывать, и доступ к результатам моей работы. Но зачем, вместо того чтобы пытаться похитить меня и держать под дулом пистолета, он прибег к... – Она умолкла. Ей действительно была отвратительна не только концепция, но и само название «смазливый живец». – Зачем он прибег к романтическим ухищрениям?

– Легче получить более полные и надежные сведения при помощи сахара, чем при помощи уксуса, – без обиняков ответил майор. – Но хотя Крафт ухитрился добыть информацию, способную вызвать зависть у опытного шпиона, сама попытка подкатить к вам через сайт знакомств была глупым действием. Совершенно любительским подходом. Любой, кто хоть что-то знает об этой игре, поймет, что мы наблюдаем за подобными вещами.

Алисса нахмурилась:

– Вы хотите сказать – любой, кто не столь безнадежно наивен, как я?

Еловиц сжал зубы:

– Извините, я забыл, что для вас это тоже оказалось новостью. Однако смысл остается прежним.

– Хорошо. Значит, он хотел получить максимально надежные сведения. Но если бы даже я все рассказала ему, то это мало ему помогло бы.

– Мы знаем, что он изучал – как бы нелепо это ни звучало – мировое господство. Должно быть, он считал, что ваши наркогипнотики могут в этом помочь. Ну, знаете, в стиле «Маньчжурского кандидата»[8 - Роман Ричарда Кондона (1959) на тему подчинения сознания людей для использования их в глобальных политических акциях; дважды экранизирован в Голливуде (1962-й и 2004-й).].

Алисса нахмурилась еще сильнее.

– О гипнозе ходит больше мифов, преувеличенных слухов, домыслов, предположений и конспиративных теорий, чем о любой другой области науки, – с жаром заявила она. – Да, моя группа пыталась улучшить и совершенствовать его для определенных задач. Но как вы хорошо знаете, майор, моя группа работает только с добровольцами. Нельзя заставить кого-то сделать что-то, противоречащее его интересам. Нельзя заставить человека сделать то, чего он не желает делать. Если человек хочет потерять страх перед полетами, мы можем с абсолютной непогрешимостью воплотить это желание в жизнь. Если он действительно этого хочет. Но мы не можем заставить его убить свою жену.

– Ну да, в том случае, если он... против этого.

Алисса засмеялась. Она не думала, что Еловиц способен выдать шутку, да еще и такую успешную.

– Вы не можете заставить его даже зарезать курицу, если он не хочет этого. Значит, вы уж точно не загипнотизируете его так, чтобы он предал Родину. Посредством определенных веществ и электрической стимуляции мозга мы можем значительно расширить диапазон поведения субъекта – но только если он этого хочет. И все же при помощи гипноза нельзя превратить человека в раба-зомби, несмотря на все сенсационные новости в Интернете, фильмы и теории заговора, в которые верит так много людей. – Она покачала головой. – У Крафта должны были быть какие-то другие мотивы.

– Их у него не было. Он же сумасшедший, не забывайте. Должно быть, он купился на что-то вроде того же «Маньчжурского кандидата» и заглотил крючок вместе с леской и поплавком. Мы знаем, что в таких фильмах отсутствует научная истина. Но Крафт-то этого не знает.

Алисса поджала губы и решительно помотала головой:

– Вы не обедали с ним. Он производит совершенно другое впечатление. И судя по тем сведениям, которые вы мне дали, он не просто гениален, он к тому же тщательно готовится ко всему, что делает. Может быть, он и сумасшедший, однако к науке подходит отнюдь не по-дилетантски.

Еловиц пожал плечами:

- Возможно, вы правы, но мне не приходит в голову другое объяснение его интереса к этой области.

- Мне тоже, - признала Алисса. Потом сделала глубокий вдох. - И что теперь?

- Точно не скажу, - ответил Еловиц. - Но сейчас, когда его романтический подход потерпел неудачу, - продолжил майор, и Алисса, не удержавшись, поморщилась от его слов, - он, скорее всего, перейдет к запасному плану.

- К запасному плану? - недоуменно переспросила она.

- Думаю, он попытается захватить вас силой.

Она едва сумела сдержать изумление:

- Вы, наверное, шутите. После того, как вы напали на него в моем доме? Не может быть.

Еловиц покачал головой:

- Вы нужны Крафту. Не знаю зачем, но он приложил героические усилия для того, чтобы устроить этот спектакль. Он очень рисковал, объявившись в Блумингтоне, чтобы назначить вам свидание. Я изучал его прошлое. Это человек, который, заинтересовавшись солнцеедением, едва не убил себя дважды в попытках подражать каким-то безумцам. Он столь же упрям, сколь и невменяем. И по каким-то причинам вы важны для него. Не думаю, что он сдастся. Я вполне могу ошибаться, однако я считаю, что нам нужен соответствующий план.

Желудок Алиссы сжался. Действительно ли Крафт попытается захватить ее? А если так, то для какой цели? Самым страшным было то, что у подобного безумца могло не быть никакой разумной цели для совершаемых им поступков.

Она встревоженно посмотрела на майора и спросила:

- И как вы планируете это предотвратить?

– А я и не планирую предотвращать, – отозвался майор Грег Еловиц, и тень хищной улыбки скользнула по его лицу. – Я планирую допустить, чтобы он это сделал, – прямо завершил он.

11

«Необходимость прятаться в течение долгого периода хороша тем, что у тебя хватает времени на то, чтобы строить планы и думать», – размышлял Бреннан Крафт.

Скрываясь в Индианском университете, он немало времени уделял тому и другому – в промежутках между исследованием того, что было известно об Аль-Йаде Госдепартаменту США, и изучением жизни и личности Алиссы Аронсон.

На несколько дней он устроился в кабинете профессора Самнера Саэкса, пока тот был на конференции по химической инженерии. Крафт взломал компьютер профессора, и теперь у него была прямая связь с суперкомпьютером ИУ, так же как и с другими компьютерами по всему миру, считавшимися отлично защищенными.

Он постепенно разработал наилучший способ обитать здесь, словно незаметный паразит в брюхе огромного зверя. Он узнал, где расположены частные душевые, когда там можно принимать душ, и ухитрялся поддерживать личную гигиену на высочайшем уровне.

Ему нужно было сделать еще несколько дел до того, как он снова доберется до Алиссы Аронсон. Ждать уже недолго. Долго ждать попросту нельзя.

На его секретный адрес электронной почты пришло письмо. Крафт поспешно открыл его и начал читать.

Великий Бреннан Крафт, будь я проклят! Как поживаешь, черт тебя побери?

Следует признать, что я был изумлен и обрадован – да просто в восторге! – получив от тебя весточку. До меня доходили слухи, что тебя убили четыре месяца назад. Какое облегчение узнать, что это сообщение оказалось, скажем так, совершенно не точным.

И не беспокойся, в свое исчерпывающее послание ты вложил немало доказательств, убеждающих меня в том, что это действительно ты. Не говоря уже о том, что ты вообще единственный, кто мог добраться до моего секретного мейла, чтобы скинуть на него это сообщение.

Что касается содержания твоего письма, то, как ты отлично понимаешь, оно более чем примечательно и более чем невероятно. «Потрясающе» – недостаточно сильное слово. Если бы такое сообщение пришло от кого-то другого, я бы ни за что на это не купился... но поскольку это ты – что тут скажешь? Я подготовился к тому, что придется бросить все и сняться с места.

Жду не дождусь встречи с тобой – как только ты дашь мне знать. А пока что буду делать то, что ты просишь. Если тебе нужно что-то еще, только скажи – я сделаю для тебя что угодно.

Твой друг

Бреннан Крафт кивнул про себя. Он все еще не знал точно, правильно ли поступил, написав Эбену Мартину, однако понимал, что, после того как нажмет кнопку «отправить», обратного пути уже не будет.

Но еще до того он провел тщательную подготовку. Он взломал личный компьютер Мартина, прочел письма в его электронной почте, его заметки, все о его деятельности – просто для того, чтобы знать, кем сейчас стал этот человек. Он уже давно не общался с Мартином и хотел понять, как изменил того статус миллиардера и промышленного гиганта.

Он гадал, окажутся ли последствия этого решения замечательными или катастрофическими. Учитывая, как ужасно он просчитался относительно Алиссы Аронсон, Крафт в изрядной мере потерял уверенность в себе. Но только время способно было показать, каков будет результат. Было слишком много неизвестных факторов, чтобы даже отдаленно предполагать, как могут обернуться события.

Но как бы то ни было, он только что включил важную переменную в свои постоянно развивающиеся стратегические расчеты.

12

Алисса Аронсон не могла поверить своим ушам. Она смотрела на майора «Блэк-Опа» через стол. Была суббота, никто не мог прийти и помешать им. Алисса гадала, не уведомил ли Еловиц исследователей о том, что любая срочная работа может подождать до понедельника?

– Вы сказали, что планируете допустить, чтобы Крафт похитил меня? – переспросила она. – Силой? Пожалуйста, скажите мне, что я ослышалась.

– Но вы же сами заявили, будто он ни за что не вернется за вами. Так что вам нечего опасаться.

– Вероятно, нет. Но если права не я, а вы, то я хотела бы думать, что вы не рассматриваете меня в качестве расходного материала.

– Расходного? – удивленно повторил Еловиц. – Ни в малейшей степени. Скорее уж бесценного.

Алисса несколько секунд размышляла над этим:

– И все же, вы действительно говорите, что если Крафт попытается меня похитить, вы и пальцем не шевельнете, чтобы остановить его?

Майор покачал головой:

– Конечно же, мы будем действовать. Нельзя допустить, чтобы все выглядело слишком просто. После налета на ваш дом он знает, что мы охотимся за ним, поэтому будет ждать, что мы предпримем усиленные меры для вашей охраны. Если приманка будет выглядеть слишком легкой, он заподозрит, что это ловушка. Плакат с надписью «Я здесь, похищайте меня сколько угодно», вероятно, насторожит и отпугнет ее.

– Мне просто невыразимо нравится идея того, что меня именуют «приманкой», – процедила Алисса.

– Послушайте, что бы там ни было, мы поставим на вас маячок. И «жучок». Вы будете настолько в безопасности, насколько это вообще возможно. К тому же вы считаете, что я ошибаюсь. Может быть, это и так.

Алисса с отвращением посмотрела на майора.

– Вы сами сказали, что он никогда не нарушал законов, – продолжил Еловиц. – Так что ваше похищение может оказаться для него недопустимо по моральным причинам. И мы заметили, что он никогда никого не убивает, даже будучи жестко спровоцирован.

– Пока не убивал. Но опять же, у вас нет ни единого намека на то, что именно может его спровоцировать.

– Мы приставим к вам двух телохранителей, – сказал Еловиц. – Им будет дан приказ не допустить причинения вам любого вреда. При возможности – захватить тех, кто попытается это сделать. Если не получится – убить их.

– Мне казалось, вы хотели, чтобы меня похитили.

– Я действительно этого хочу. Но тем не менее мы должны сделать так, чтобы все выглядело правдоподобно. И если они смогут захватить Крафта, что будет невероятно после неудачи ударной группы, отправленной за ним, это станет наилучшим исходом. Однако после событий в вашем доме я полагаю, что Крафт справится с ними без малейших проблем.

– И вы скажете им заранее, чем все должно закончиться? Что вы хотите, чтобы он украл меня?

– Нет. Кто знает, может быть, они преуспеют там, где проиграли мы. Это было бы идеально. И нам нужно, чтобы они предприняли героические меры по вашему спасению. Мы не можем рисковать тем, что Крафт разглядит обман, поэтому будем играть честно.

– Отлично. Я уверена, эти парни будут благодарны за то, что им не сказали, ради чего они рискуют своими жизнями.

– Опять же, мы не знаем, грозит ли им какая-либо опасность. И мы расскажем им все, что нам известно, о способностях и методах Крафта. Хотя это немного. По сути, мы скажем им соблюдать осторожность и быть готовыми ко всему.

Алисса обдумала его слова:

– Ладно, допустим, Крафт действительно придет за мной. Допустим, ваши люди не смогут его остановить, и он уволочет меня куда-то. Что тогда?

– Мы установим на вас следящее устройство, имплантируем его под кожу на бедре. Нажмите в нужной точке, и вы включите сигнал тревоги. К тому же у вас будет цифровой диктофон, который вы можете включить в любой момент, с трехчасовой вместимостью. Очень крошечный. Эти устройства не доставят вам никаких хлопот.

– Работа еще одной исследовательской команды «Блэк-Опа»?

– Да. Очень надежная. Так что мы точно будем знать, где вы находитесь. Поблизости от этого места мы разместим отряд, и если вы подадите сигнал тревоги, они нанесут удар. – Еловиц покачал головой. – Но я не думаю, что в этом возникнет необходимость. Потому что я хочу, чтобы вы подружились с Крафтом. Помогли ему. Соглашайтесь со всем, чего он от вас захочет. Попробуйте сами устроить ему «смазливый живца», если сумеете.

– Ну конечно же, это сработает, – саркастически хмыкнула Алисса. – Крафт знает, что я в курсе того, что на нашем якобы свидании он меня обманывал.

Затем он похитит меня. И я должна постараться соблазнить его? – Она закатила глаза. – Ну да, он в это, несомненно, поверит.

– Вас может удивить его реакция, – возразил Еловиц. – Возможно, он сочтет это хельсинкским синдромом[9 - Хельсинкский синдром – правильно стокгольмский синдром – синдром идентификации с агрессором, привязанность, возникающая у жертвы по отношению к агрессору в состоянии сильного шока.]. Может быть, он не будет особо сомневаться. Но если вы сможете заманить его в постель, это будет лучшим способом завоевать его доверие.

Алисса знала, что это правда. Окситоцин, вырабатываемый во время близости, не только сексуальной, но даже после коротких объятий, служит установлению доверия.

– Притворитесь, что влюбились в него, – продолжал майор. – Можете пойти на полное сотрудничество с ним, потому что он все равно не сможет добраться до ваших наркогипнотиков. А даже если и сможет, то без знания ваших протоколов нейростимуляции от них ему не будет никакого прока. Поэтому расскажите ему все, что он хочет знать. Будьте честны. Он достаточно умен, чтобы раскусить ложь.

Алисса Аронсон молчала.

– Узнайте все, что сможете, а мы будем ждать поблизости. Мы не смогли захватить и допросить его. Но по какой-то причине он пытался сыграть с вами в романтические отношения и потерпел провал. Теперь ваша очередь.

– Мне тоже ничего не удастся, – ровным тоном произнесла Алисса.

– Я в этом отнюдь не уверен. Я говорил вам, что ваши с ним интересы совпадают до полного невероятия. И есть еще одно. Если вы, как это сделал я, изучите прошлых его девушек, которые были у него с тех пор, как он сложил с себя сан, то увидите, что вы точно соответствуете тому типу, который ему по нраву. В вас сочетается тот тип внешности и личности, который он, похоже, искал в других женщинах.

Алисса покусывала нижнюю губу, обдумывая его слова.

– А что, если я откажусь торговать своим телом за тайны Крафта? – спросила она наконец. – Предполагая, конечно, что он действительно похитит меня.

– Понятно, что мы никак не сможем это контролировать. Если ваша совесть не позволяет подобного, пусть будет так. Идеально было бы, если бы вы смогли завоевать его доверие, не переспав с ним.

– А если я откажусь быть приманкой?

Еловиц вздохнул:

– Вы не можете отказаться. Вы то, что вы есть. Раненая зебра может отказаться быть добычей льва, но самого льва это не остановит. Это не я сделал вас жизненно важным объектом для Бреннана Крафта. Он пришел к такому заключению совершенно самостоятельно. И, как я уже говорил, я намерен честно попытаться защитить вас. Но если, как я предвижу, мне это не удастся, я хочу облегчить вам жизнь. Я не требую от вас героически молчать, напротив, я прошу вас рассказать ему все, что он хочет знать. Завоюйте его доверие. Тогда вы, возможно, узнаете то, что хотим знать мы. О нем и о его друге – этом мусульманском боге.

Алисса закатила глаза, услышав, какое определение Еловиц дал Аль-Йаду – это напомнило ей о том, в какой абсурдной ситуации она оказалась. Как скромная еврейская девушка наподобие ее могла влипнуть в такую кашу? Кто-то где-то состряпал славный анекдот.

Молодая еврейка, бывший священник и мусульманское божество заходят в бар...

Это забавляло ее еще несколько секунд, потом веселость быстро отступила перед мыслями о предстоящей работе.

Алисса все еще была зла, что так легко попала на удочку. Тот факт, что Крафт играл с ее эмоциями, очаровал и обнадежил ее, и при этом попросту манипулировал ею и использовал ее... все это заставляло ее жаждать крови. Могла ли она действительно выкинуть мысли об этом из головы и притвориться, будто влюбилась в него? Спать с ним?

Какого черта ему от нее было надо? И кто он такой, черт побери, чтобы подвергнуть ее всему этому? «Я тебя самого еще поймею!» – мысленно пригрозила она, однако едва не сплюнула, осознав, что эта угроза может осуществиться скорее в буквальном смысле, чем в переносном.

13

Лейтенант Стэн Уоксмен стоял у входа в «Старбакс» и смотрел на непрерывный поток посетителей, которые заходили в кафе и выстраивались в очередь – практическую неиссякаемую, насколько он мог судить. Проходящие мимо люди представляли собой самое эклектичное сборище, какое он только мог себе представить. Мужчины и женщины в деловых костюмах, с повадками бизнесменов, непрерывно ведущие переговоры по телефону, стояли рядом с бегунами и велосипедистами в шортах или обтягивающих лайкровых штанах. Молодежь и старики выстраивались друг за другом. Безупречно стильные – и разрисованные татуировками. Смешливые девчонки из команды болельщиц – и мрачные готы. Представители самых разных рас. И все стояли в полной гармонии друг с другом, ожидая, пока можно будет сделать заказ у одного из одетых в зеленые передники работников кафе, толпящихся за стойкой.

«Что за работа!» – с завистью думал Уоксмен. Было что-то таинственное в том, чтобы продавать нечто неодолимо притягательное и все же легальное и социально приемлемое, разбивающее все классовые, общественные, географические и политические границы.

«Заниматься кофе, а не войной», – подумал он, и на его обветренном лице появилась улыбка.

Работники в зеленом за длинной стойкой трудились с эффективностью и слаженностью, которым позавидовал бы армейский инструктор, каждые несколько секунд кто-нибудь выкликал имя, чтобы позвать заблудшую душу, которая уже сделала заказ и теперь переминалась с ноги на ногу по другую сторону касс, ожидая кофе.

Взгляд Уоксмена примерно раз в минуту смещался с толпы на Алиссу Аронсон, а потом на то, что творилось снаружи кафе. Его напарник, лейтенант Джон

Джоргас, был занят тем же самым в другом конце зала.

Шел третий день их работы телохранителями, и пока что обходилось без происшествий. Но такова была суть охранной службы. Много дней рутины и даже скуки, прерываемых секундами напряженной деятельности, от которой зависит жизнь или смерть.

Ну... иногда.

Истина заключалась в том, что если кто-то и был достаточно важным или подвергался достаточно большому риску, чтобы ему понадобилась охрана, это еще не означало, что нападение неизбежно. На самом деле против подопечных редко предпринимались враждебные действия.

Они с Джоргасом скорее выполняли роль... ремней безопасности. Основную часть времени у них не было никакой реальной цели. Даже плохой водитель может многие годы ездить, не попадая в аварии. Но когда авария наконец случается, в этот самый миг ремень безопасности становится единственной вещью, отделяющей шанс на жизнь от верной смерти.

Алисса была славной женщиной, и их служба оказалась довольно приятной. Она соглашалась со стандартными протоколами действия и явно боролась с привычным раздражением и нетерпением из-за вызванных этими процедурами заминок. Уоксмен относился к ней с уважением. Они жили в укрепленном доме, пока дом самой Алиссы ремонтировался после атаки, и она воспринимала всю ситуацию, в том числе новое и непривычное окружение, достаточно спокойно.

И она была довольно привлекательной, даже на взгляд Уоксмена, хотя не принадлежала к тому типу женщин, которые ему нравились. Она не была высокомерной – скорее, простой в общении, – однако, на его вкус, слишком уж ученой. То, как она разговаривала, ее огромный словарный запас, непринужденная игра слов давали это понять так же ясно, как и ее звание доктора медицины. Что касается внешности, Алисса была все-таки чересчур миниатюрной. На самом деле то, что она не в его вкусе, хорошо. Хотя Уоксмен считал, что он достаточно профессионален, чтобы охранять женщину, которую считает привлекательной, и не позволить этому фактору отвлекать его, однако каждый мужчина еще в юности усваивает, что у тела бывают собственные соображения.

Им было сказано, что ее может похитить человек по имени Бреннан Крафт и что это нужно предотвратить любой ценой. Но им также были даны и другие приказы, о которых Алисса Аронсон не должна была знать: захват Крафта был более важным делом, чем ее безопасность, на случай, если перед ними будет поставлен такой выбор. Этот приказ пришелся не особо по душе Стэну Уоксмену. Поэтому он поговорил с Джоргасом и убедил его, что у них нет другого выбора, кроме как послушаться приказа, который они считают незаконным.

Уоксмен вырос в Огайо и записался в Корпус подготовки офицеров запаса, еще учась в маленьком колледже близ Цинциннати. Изначально он посматривал в сторону ВВС, поскольку его старший кузен служил в этих войсках, в боевом расчете ракетного комплекса – в отряде, задачей которого было круглосуточное дежурство в шахте с ядерной боеголовкой. Это были солдаты, обученные тому, как удостовериться подлинность приказа, а потом повернуть ключ одновременно с напарником, чтобы уничтожить мир – или, по крайней мере, запустить ракету, после чего другие страны запустят собственные ядерные боеголовки, быстро приближая мир к упомянутому исходу.

Уоксмен спросил своего кузена Илая, действительно ли он сделал бы это. И хотя Илай был специально обучен и выбран для выполнения того, что от него потребуется, он колебался с ответом достаточно долго, чтобы у Стэна Уоксмена сложилось твердое убеждение, что этого Илай все-таки не сделает. Что он откажется участвовать в почти верном уничтожении всего живого на земле – а именно к этому приведет выполнение подобных приказов.

Уоксмен одобрял это. Несмотря на редкие исключения, благоразумие, похоже, все еще было практически неотъемлемым качеством большинства военнослужащих, включая на данный момент его и его напарника лейтенанта Джоргаса, который не собирался умалять необходимость защиты этой хрупкой молодой женщины.

Но хотя Уоксмен всегда представлял, как будет служить в ВВС, вместо этого он пошел в наземные войска – по совету все того же кузена, который жаловался, что дежурство в ракетной шахте, несмотря на постоянные учения, бывает невероятно скучным.

Это было верным решением. Уоксмен всегда был непоседой и немножко адреналинозависимым. И ему нравилось испытывать свои навыки на пределе сложности. Он не пил кофе, потому что ему это не было нужно. Он и без того

был достаточно на взводе.

Он служил в местах проведения всех крупных контртеррористических операций, но сейчас у него выдался промежуток между командировками, и ему дали задание охранять эту женщину – по причинам, которые ему не до конца озвучили. Были немалые шансы, что против них никто не предпримет вообще никаких действий. Но если предпримут, ему, скорее всего, понадобится вся его подготовка, изобретательность и умение решать проблемы, чтобы остаться в живых. Поставить все свои навыки против способностей нападающих ради главного выигрыша – жизни.

Это бодрило. И хотя Стэн надеялся, что это задание так и останется рутинным, он не мог отрицать, что в глубине души он жаждет шанса проверить свои силы.

– Алисса! – выкрикнула девушка за стойкой, поднимая большой стакан мокко в фирменном старбаксовском стакане. Алисса Аронсон прошла сквозь клубящуюся толпу, точно Моисей чрез воды Красного моря, и с благодарностью принял протянутый напиток. Сделала маленький глоток, довольно вздохнула и направилась к выходу. Джоргас шел следом за ней.

Оба телохранителя были одеты в штатское и старались смешаться с толпой – впрочем, старались не слишком сильно. Им было сказано, что если Крафт нападет на Алиссу, он будет ожидать того, что при ней минимум пару недель будет охрана, так что демонстрация силы не была такой уж плохой идеей.

Уоксмен вышел из торгового центра раньше Алиссы и своего напарника и окинул взглядом окрестности. Ничего подозрительного или необычного. Он и не ожидал что-либо увидеть. Однако он знал, что при работе телохранителя важно следить за тем, чтобы долгие часы спокойствия не заставили тебя утратить бдительность. Он и не утрачивал. Он был отлично обучен и внимателен и полностью уверен, что его никто не сумеет застигнуть врасплох настолько, чтобы взять над ним верх. И уж вряд ли что-то подобное произойдет посреди парковки возле пригородного торгового центра.

Они подошли к белому четырехдверному седану с бронированным кузовом и пуленепробиваемыми стеклами, и все трое остановились со стороны пассажирских сидений. Уоксмен достал из кармана ключи и подошел вплотную к дверце, Алисса шла позади него, а Джон Джоргас – позади нее. Оба

телохранителя в последний раз обвели глазами стоянку.

Алисса уже привыкла к этой рутинной проверке и терпеливо ждала, пока ей позволят сесть в машину. Все вокруг, похоже, было чисто, как и ожидалось, и Уоксмен кивнул напарнику, потом открыл дверцу, подождал, пока Алисса сядет внутрь, и снова закрыл, пока Джоргас забирался на заднее сиденье.

Выпустив ручку двери, Уоксмен осознал, что пальцы у него слегка влажные. Он потер большим пальцем об остальные, ощутив скользкую жидкость. Что это? На ощупь напоминало машинное масло.

Это было странно.

Он понюхал свои пальцы, окрасившиеся в шафрановый цвет, но не почувствовал никакого запаха.

Уоксмен встревоженно взглянул на лейтенанта Джоргаса, сидящего в машине позади Алиссы и с озадаченным выражением рассматривающего собственную ладонь.

Сердце Уоксмена неистово заколотилось, когда он понял. Мир вокруг него завертелся волчком. Волна ужаса обрушилась на него, подобно цунами.

Он покойник! И Джоргас тоже. Вот так, почти мгновенно. Им обоим оставалось жить меньше минуты.

Им говорили, что Крафт не прибегает к смертоносным средствам, но это оказалось абсолютным враньем.

Их сделали, как слепых щенков! Крафт использовал тактику, которую они не смогли просчитать. Долбаный «ви-экс»! Самый мощный нейротоксин, который когда-либо был создан. Кошмарное вещество, которое редко применяли даже в самых горячих точках боевых действий, потому что он был классифицирован как оружие массового поражения, а отрицательная реакция мировой общественности на подобное оружие была слишком сильна.

«Ви-экс» редко встречался даже в зонах военных конфликтов. И было неслыханным, чтобы кто-то воспользовался им посреди Блумингтона в гребаном штате Индиана!

В памяти Уоксмена всплыл кадр из старого кино, когда-то виденного им, – лицо Николаса Кейджа, смотрящего на стеклянный шар, полный жидкого «ви-экса». «Если ты отнесешься к нему без уважения, – говорил Кейдж, – он убьет тебя в ту же секунду»[10 - Речь идет о фильме М. Бэя «Скала» (1996).].

«Это нечестно», – подумал Уоксмен, чувствуя, как в уголке одного глаза собирается слеза. Он питал невероятное уважение к этому веществу, но оно все равно убило его.

При нагревании «ви-экс» превращался в газ, но при комнатной температуре он был жидкостью – жидкостью, которая легко всасывалась через кожу. Крафт намазал ею обратные стороны ручек на дверцах машины. Он наблюдал за их мерами безопасности. Он знал, что Уоксмен и Джоргас будут касаться ручек, а Алисса – нет.

Эта тактика была однозначно отвратительной. Ужасающей. Это была трусость и жестокость, даже с точки зрения наемного убийцы.

Но она была, безусловно, блестящей, Уоксмен не мог не признать этого. И безусловно эффективной.

Как ни иронично, будь он в Иране или в Сирии, он выжил бы после такого. Он идентифицировал «ви-экс» как раз вовремя, чтобы успеть принять меры. В горячей точке в его заплечном ранце лежал бы автоматический шприц с противоядием. Сочетание атропина и диазепама, которое, если ввести его немедленно, могло бы спасти ему жизнь. Но он находился посреди долбаной Америки, и у него не было заплечного ранца. Все, что было, – это долбаный «Старбакс».

«Я приму латте с атропином и диазепамом, – подумал он, начиная утрачивать связь с реальностью. – И подайте их, пожалуйста, в шприце».

Он старался сохранить ясность рассудка, остановить вращающийся мир.

«Сосредоточься!»

Даже умирая, он мог действовать. Он загнал панику внутрь и неожиданно понял, что ему нужно сделать. Ему нужно снова открыть дверцу машины. Отдать ключи Алиссе Аронсон и предупредить ее, что нельзя касаться дверных ручек, а потом приказать ей уезжать прочь как можно скорее.

Но в тот момент, когда Уоксмен потянулся к ручке, содержимое его желудка выплеснулось у него изо рта на асфальт. Ему еще хватило времени, чтобы заметить, что Джон Джоргас, сидящий в машине, тоже сгибается в приступе рвоты и что лицо Алиссы Аронсон искажено ужасом. Но он не смог уже даже сказать ей «беги» – все его тело начало содрогаться в конвульсиях.

Несколько секунд спустя лейтенант Стэн Уоксмен рухнул на асфальт, сломав нос в двух местах.

Последней его мыслью – перед тем как нейротоксин вызвал паралич и отказ дыхательной системы – было абсолютное нежелание верить в то, что он умирает здесь, на стоянке торгового центра в Индиане, в луже собственной рвоты.

14

Алисса была настолько парализована ужасом, что не смогла даже закричать. Оба приставленных к ней телохранителя, сильные, здоровые, натренированные мужчины, одновременно начали выворачиваться наизнанку.

В голове у нее звучал сигнал тревоги, пробиваясь сквозь страх и беспокойство за этих двоих. Это газовая атака?

Чем еще можно объяснить такую идеальную синхронизацию симптомов?

Но это было невозможно. Один из них находился в закрытой машине, а другой – снаружи.

Лейтенант Уоксмен тяжело рухнул наземь, содрогаясь в конвульсиях, и паника Алиссы сделалась еще сильнее. На миг она подумала, что телохранители страдают от пищевого отравления, но неожиданно с тошнотворной ясностью поняла, что они подверглись чему-то намного более смертоносному.

Она распахнула тяжелую бронированную дверцу. Уоксмен, похоже, сильно ударился при падении и сейчас, содрогаясь, лежал в луже собственной рвоты. Она должна была чем-то помочь ему.

Достав из кармана брюк телефон, чтобы набрать 9-1-1, Алисса выбралась из машины. Она уже собиралась опуститься на колени рядом с лейтенантом, когда какой-то крепкий мужчина обхватил ее сзади, напугав так, что у нее едва не остановилось сердце. Телефон упал на асфальт.

«Откуда он взялся?»

И тут она поняла откуда. Этот человек выпрыгнул из боковой дверцы большого белого автофургона, только что остановившегося рядом с ними. Она была настолько занята, что даже не заметила этого.

Алисса попыталась закричать, но вдруг ощутила страшную сонливость и смутно осознала, что к ее рту и носу прижимают влажную ткань. На миг в ее голове всплыло слово «хлороформ», а потом она потеряла сознание, и ее, словно вязанку хвороста, закинули в кузов белого фургона.

15

Алисса резко очнулась от забытья, и ее голова произвольно дернулась вбок.

Мужчина, стоящий рядом с ней на коленях, убрал нюхательную соль, которой водил у нее под носом, и бросил во что-то похожее на автомобильную аптечку.

Нюхательные соли? Снова? Сколько еще раз на этой неделе ее будет отрывать от земли мужчина со стальной хваткой? Сколько раз она будет терять сознание и приходить в себя от запаха нюхательной соли? Каким образом ее жизнь

превратилась во все это?

Она полусидела на полу огромного коммерческого автофургона, который видела на стоянке: ее прислонили спиной к боковой стене, лицом в сторону сдвигающейся двери. Никто не потрудился связать ее или надеть наручники, как будто похитители не ждали с ее стороны ни малейшей серьезной опасности. Штанина ее брюк была пропитана кровью, и, судя по местоположению раны, кто-то уже удалил крошечный передатчик, который майор Еловиц имплантировал ей в бедро.

Фургон не двигался, и Алисса решила, что он, вероятно, где-то припаркован. В кузове было включено освещение, но окон не было, и она понятия не имела, где сейчас может находиться машина.

Над ней стояли двое мужчин, с большим интересом рассматривая ее. Ни один из них не был Бреннаном Крафтом, но они, вероятно, работали на него. Один был настоящим громилой, который, должно быть, годами колот себе стероиды; лицо его можно было назвать лишь одним словом – «жестокое»: с бездушными серыми глазами, напоминающими глаза змеи и словно бы глядящими сквозь Алиссу.

Второй был полной противоположностью ему: невысокий, тощий, изящно одетый и наманикюренный, чисто выбритый и аккуратно причесанный, со смугловатой кожей. «Джентльмен и Дубина», – подумала Алисса. Совершенно несовместимая пара.

– С добрым утром, – радостно произнес Джентльмен. Выговор у него был мягкий, с красивым акцентом, который она не смогла опознать. «Это какой-то из локальных британских акцентов», – решила она. Что-то в его внешности прямо-таки вопияло о хорошем образовании и воспитании, и Алисса заподозрила, что он посещал школу в Англии, и его акцент был смесью его родного, каким бы тот ни был, и благородного английского выговора.

– Что вы сделали с моими друзьями? – спросила она.

– Мы их убили, – небрежно ответил тощий, и эта фраза вызвала зловещую улыбку на лице его гориллоподобного сотоварища. – Нанесли на обратную сторону ручек машины нейротоксин «ви-экс». Ужасная смерть, – протянул он,

словно бы рассуждая о погоде.

– Поскольку я не объяснил вам правила, – спокойно продолжил Джентльмен – то я ответил на ваш вопрос. Но это в последний раз. Видите ли, мы здесь для того, чтобы задавать вам вопросы, а не для того, чтобы на них отвечать. Так что вы можете спрашивать, но только для того, чтобы уточнить, что именно нам нужно. Отнюдь не для того, чтобы получать сведения, которые удовлетворят ваше любопытство. Вы меня поняли?

– Да.

– Хорошо. Потому что вот этот мой коллега – сволочной садист из самой глубины ада, который получает почти сексуальное наслаждение, причиняя кому-то боль.

– Да. А каким образом развлекаетесь вы? – бросила Алисса, пытаюсь уничтожающим взглядом проделать дыру в его голове.

Дубина ударил ее тыльной стороной кисти по лицу с такой силой, что ей показалось, будто у нее в шее что-то хрустнуло. Взглянув на него, она увидела, как хищная радость на миг озарила его пустые глаза.

– Вы что, не расслышали? – поинтересовался Джентльмен. – Вам больше не позволено задавать вопросы. Вы даже подтвердили, что поняли это. – Он разочарованно покачал головой. – Но поскольку я сегодня в милостивом настроении, я даже отвечу. Вы, вероятно, уже вычислили это, но я скажу, что я получил отличное образование и, рискну показаться нескромным, весьма умен. И хотя я немало преуспел в убийстве, я предпочитаю использовать свои мозги. Поэтому я развлекаюсь, как вы красноречиво выразились, посредством интеллектуальных упражнений.

Он указал в сторону Дубины:

– Мой наемный работник – психопат и садист. Совершенно необразованный, но что тут поделать? Он участвует в этом деле потому, что больше, чем мучить людей, он любит только получать хорошие деньги за то, что мучает людей. Знаю, мы составляем странную команду, но я решил, что он идеально подходит для того, чтобы помочь мне в этой работе. Когда он работает в одиночку, то обычно все заканчивается жестоким кровавым убийством. В этом нет ничего

плохого, вот только те, кого он убивает, еще могли бы пригодиться на будущее. И он обычно разводит ужасную грязь. Так что я помогаю ему обуздать его... рвение. К тому же я не сторонник грязной работы, которую он любит. Так что мы просто созданы друг для друга самими небесами.

«Скорее, самим адом», – подумала Алисса, но ничего не сказала.

– Итак, начнем, хорошо? – спросил Джентльмен, и Алисса поняла, что, если она не ответит, Дубина заставит ее пожалеть об этом.

Она сумела коротко кивнуть.

– Хорошо, – радостно промолвил Джентльмен. – Чтоб вы знали, тянуть время бесполезно. Мы удалили маячок и просканировали вас на предмет следящих «жучков». Ваш сотовый телефон остался там, откуда мы вас забрали. И мы несколько часов ехали прочь от вашего любимого «Старбакса», за нами никто не следил. Так что никакие спасатели не явятся, чтобы прервать наше милое общение.

Глаза Алиссы сузились в тревоге. Эти люди были очень опасны и очень хитры. Но кто они? Должно быть, они как-то связаны с Бреннаном Крафтом. Но как?

Она решила, что ей нужно рискнуть и активировать цифровой диктофон, который майор поместил в маленькую фальшивую родинку, приклеенную к ее шее под волосами. Он делал запись, но не передавал ничего, поэтому засечь его было нельзя. Она поднесла правую руку к затылку, словно бы для того, чтобы машинально помассировать шею, ноющую после пощечины, и в процессе сумела незаметно нажать на родинку, потом снова положила руку на колено.

– Итак, вопрос номер один: кто вы? – спросил Джентльмен.

– Я доктор Алисса Аронсон, профессор Индианского университета, хотя на данный момент я не преподаю, а возглавляю лабораторию.

– Что вы изучаете?

– Человеческое поведение.

Джентльмен кивнул:

– Да, я видел ваш веб-сайт. Интересная работа, но очень академичная. Ничего особо интересного. Итак, над чем вы работаете, помимо того, что перечислено на вашем сайте?

– Ни над чем больше. Все наглядно освещено там.

Джентльмен чуть заметно кивнул головой, и его напарник схватил Алиссу за руку и повернул ладонью вверх. Его рука со звериной скоростью прошла поперек ее предплечья, и там, где он коснулся рукава ее блузки, ткань стала влажной.

Алисса ахнула, когда болевой сигнал от его действий наконец достиг ее мозга с задержкой в доли секунды.

Дубина полоснул ее макетным ножом!

Он прорезал ее блузку так легко, как будто та была сделана из тумана, и чиркнул лезвием поперек предплечья, чуть ниже сгиба локтя и параллельно ему. Глубокий, тонкий, как нитка, разрез окрасился алым, кровь потекла наружу, промочив рукав и закапав на пол.

– Вот видите, – извиняющимся тоном произнес Джентльмен. – Мой коллега может быть немного грубоват. Хорошо то, что он точен, словно хирург. С вами все будет в порядке. Но всякий раз, когда вы будете говорить мне неправду, он будет делать это снова, на дюйм ближе к запястью. Не знаю, какой длины ваша рука, но когда он дойдет до запястья... – Мужчина с отвращением сморщил нос. – Что ж, давайте, скажем так: никто, не считая здесь присутствующего коллеги, не желает этого.

Он снова кивнул Дубине, и тот опять ударил Алиссу по лицу, на этот раз с такой силой, что на несколько секунд оглушил ее. Слезы навернулись ей на глаза и покатались по щекам.

Джентльмен с неодобрением посмотрел на ее слезы и кивком указал на расплзающееся по рукаву ее блузки красное пятно.

– Осторожнее, – с радостной улыбкой предупредил он. – Не следует расходовать слишком много жидкости.

Он помедлил, словно обдумывая, какой вопрос задать следующим, потом его глаза восторженно блеснули.

– Знаете, что мне пришло в голову секунду назад? – спросил он. – Я только сейчас осознал, что никогда прежде не допрашивал специалиста по человеческому поведению. Так что я, пожалуй, на минуту уклонюсь от основного курса. Я с огромным интересом следил за дебатами относительно усиленных приемов допроса. Должен сказать, правительство США знает, как правильно применять эвфемизмы. Джордж Оруэлл гордился бы этим. Ракета «Миротворец». Куда лучше, чем ракета «Милитарист». Но хотя я оценил словосочетание «усиленный допрос», давайте будем придерживаться старого доброго слова «пытка», хорошо? На самом деле, оно более точно. Я полагаю, вы ознакомлены с материалами ученых дебатов относительно эффективности пытки, верно?

– Да.

– Хорошо. Это может оказаться интересным. Вы знакомы с этим предметом в теории, академически. А мы с моим коллегой получили знания, так сказать, эмпирическим путем, на практике. По сути, мы сейчас применяем их на вас, делаясь с вами опытом непосредственно. Однако не нужно нас благодарить.

Алисса сделала глубокий вдох и заставила себя не отвечать.

– Интересно, много ли ученых на самом деле подвергались пыткам? – продолжал Джентльмен. – Разве это не было бы захватывающим экспериментом? Пытать академика, который многословно писал о том, что пытка неэффективна, – и проверить, можно ли заставить его выдать сведения, которые в противном случае он ни за что бы не рассказал. Полагаю, это единственный способ действительно поставить точку в этих дебатах.

При этой мысли он ухмыльнулся и спросил у Алиссы:

– Так каков будет ваш вердикт? Мне ненавистна мысль о том, что мы неправильно подходим к этому допросу. Или что он окажется неэффективным.

Алисса заметила, что Дубина слушает эту дискуссию с раздражением – ему хотелось бы поскорее снова начать резать ее.

– Пытка может быть эффективна, – отозвалась Алисса. – Но многое зависит от обстоятельств. Если кто-то знает нечто особенное...

– Давайте не будем использовать это общее слово «кто-то», – прервал ее Джентльмен. – Почему бы вам не говорить от первого лица? Давайте приблизим дискуссию к реальности. И позвольте мне признаться: когда мой коллега действительно пройдет по всему вашему предплечью своим импровизированным скальпелем, он не будет резать ваше запястье. Мертвецы не отвечают на вопросы. Но он сделает что-нибудь ужасное, после чего вы сможете выжить. Допустим, выколоть вам глаз. Проткнуть барабанную перепонку. Отрезать пару пальцев. Так что основывайте свои ответы на этом конкретном сценарии пытки.

Алисса с трудом сглотнула и кивнула. Эти люди были настоящими зверями, и она не сомневалась, что они выполняют обещанное – и с лихвой. То, как Дубина работал макетным ножом, и то, каким восторгом при этом вспыхивали его глаза, достаточно наглядно демонстрировало этот факт.

– Хорошо, – начала она заново, вновь вобрав в легкие побольше воздуха. – Для начала возьмем пример чего-то, что на самом деле не является тайной. Мой ответ на поставленный вами вопрос об эффективности пыток. Вы сами можете это увидеть. Если бы это был мирный допрос, я могла бы солгать просто для того, чтобы дать вам возможность самому исследовать данную тему. Или же я могла бы сказать правду.

– Но поскольку мне нужна невинная, совершенно не секретная информация, то вы со стопроцентной гарантией намереваетесь сказать правду, чтобы не лишиться глаза? Вы к этому клоните?

– Да. Именно поэтому я с радостью поведаю вам свое подлинное мнение относительно пыток.

– Мне действительно это нравится! – воскликнул Джентльмен. – Два палача и жертва – которая изучала пытки – ведут интеллектуальную беседу на тему пыток. Что может быть занятнее? – Он сделал паузу. – Да, в этом есть свой смысл. Если затребованная информация не секретна, пытка однозначно

работает. А что насчет информации, которая действительно секретна?

– В том случае, если я буду знать, что вы легко можете проверить истинность сказанного мною, пытка или угроза пытки, скорее всего, заставит меня выдать эти сведения. Там, где другие методы не сработают. – Она склонила голову набок и вгляделась в его лицо. – Но я должна при этом верить, что вы сдержите свое слово, – многозначительно добавила она, пытаясь прочесть язык его тела, – и не будете больше меня пытаться. И не убьете.

– Верно отмечено, – согласился Джентльмен. – Буду с вами честен: я не могу гарантировать, что мы не убьем вас после этого допроса. Многое зависит от того, что именно нам удастся узнать. Окончательное решение примет мой босс. Но я думаю, что с вероятностью процентов в девяносто вы сможете выбраться живой, если будете сотрудничать с нами. – Он приподнял брови. – И что ваши конечности и... прочие органы останутся невредимы.

В течение нескольких долгих секунд Алисса продолжала изучать человека, которого мысленно именовала Джентльменом. Действительно ли он отпустит ее? Говорит ли он правду? Почему-то инстинкты подсказывали ей, что так и есть.

– Продолжим, – нарушил молчание Джентльмен. – Вы сказали, что при озвученных условиях пытка, скорее всего, заставит вас выдать информацию. Почему только «скорее всего»? Почему не точно?

– Если выданная мною информация может привести к смерти тех, кого я люблю, я не скажу этого вам. Если бы я знала о местонахождении ядерной боеголовки и вы пытались бы меня, чтобы узнать это местонахождение и запустить ракету по большому городу, я не сказала бы вам, несмотря ни на что.

– Понимаю. Значит, некоторые сведения стоят того, чтобы за них умереть. В то время как другая информация... не до такой степени.

Алисса кивнула:

– Что и наводит на мысль о том, почему многие считают пытки неэффективными. Если я не знаю, где находится ракета или если знаю, но эту тайну следует хранить даже ценой жизни, я все равно могла бы назвать вам какие-то координаты. Я сказала бы что угодно, лишь бы прекратить пытку. Даже если эта

информация будет ложной. Именно поэтому пытка зачастую неэффективна. Вы можете получить сведения, но они будут ненадежными. Вы не сумеете точно сказать заранее, что из этого правда, а что ложь.

– Верно, – задумчиво промолвил Джентльмен. – Никогда не знаешь, не попал ли к тебе в руки Маркус Макдилда.

Алисса широко открыла глаза, поневоле впечатлившись. Джентльмен выглядел обходительным, умным и опасным, но в нем было сокрыто куда больше. Он показал, что хорошо подготовился к этому допросу и что ей нужно быть очень осторожной в своих предположениях относительно того, что он знает, а чего не знает. Этого человека нелегко было обдурить.

Маркус Макдилда был пилотом истребителя во время Второй мировой войны. После того как США сбросили на Хиросиму и Нагасаки свои две атомные бомбы – все, что у них было в наличии, – Япония все еще была настроена решительно и не собиралась сдаваться. Но Макдилда попал в плен к японцам, где его пытали, чтобы узнать, сколько еще атомных бомб есть у союзников и куда их могут сбросить.

Лишь немногие в мире знали об американской атомной программе, и Макдилда не входил в их число. Он не имел никакого понятия о том, что США уже использовали весь свой запас ядерного оружия на тот момент. Однако под пыткой он признался, что у союзников имеется сотня атомных бомб и что следующей целью будет Токио – уже через несколько дней. Эта ложная информация привела к окончательной капитуляции Японии.

– Спасибо, что дали мне прямой ответ на этот сложный теоретический вопрос, – сказал Джентльмен. – Это была увлекательная беседа. Но, боюсь, нам пора вернуться к насущным делам. – Он вздохнул. – Вы сказали, будто все сведения о ваших работах гордо размещены на вашем веб-сайте. Но это не может быть правдой. Невинные университетские исследователи, занимающиеся безвредными трудами, не гуляют в компании двух армейских телохранителей и не разъезжают в седанах, оборудованных скрытой броней. Но я изо всех сил стараюсь не принимать как личное оскорбление тот факт, что вы решили, будто я способен поверить в подобное. Так почему бы вам не сказать, кто вы такая на самом деле и чем в действительности занимаетесь? – Он вежливо улыбнулся. – И тогда мы посмотрим, проживете ли вы еще день.

Воздух в кузове фургона сделался спертым, и Алисса могла поклясться, что в нем висел какой-то отвратительный запах, который она не могла определить. Может быть, это был запах жестокости, присутствующий лишь в ее воображении.

Улыбка исчезла с угловатого лица Джентльмена.

– Тщательно обдумывайте свои ответы, – предупредил он. – Я уже знаю многое из того, что вы можете сказать мне. И если вы скажете то, что я определю как ложь или отвлекающий маневр... – Он многозначительно кивнул на своего молчаливого напарника, с плохо скрываемым нетерпением поигрывающего окровавленным макетным ножом. – Это будет большая ошибка с вашей стороны. И пожалуйста, заметьте, что я не намереваюсь спрашивать вас о местонахождении ядерной бомбы. Поэтому у вас нет причин для глупой игры в благородство.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Махди? – в исламе: последний преемник пророка Мухаммеда, мессия, который появится перед концом света. Отождествляется с двенадцатым имамом,

последним духовным лидером мусульман.

2

Он же эффект сверхуверенности, то есть переоценки своих достоинств и точности своих суждений.

3

Гэри Эдвард Кейлор (р. 1942) – американский юморист, радиоведущий.

4

Из поэмы англо-американского поэта Т.С. Элиота «Литтл Гиддинг». – Пер. А. Сергеева.

5

«Лакомка» (фр.).

6

Начальная буква фамилии Eben находится в открытом слоге (за согласной, находящейся после нее, сразу следует новая гласная), поэтому по правилам

английского языка в подавляющем большинстве случаев читается как в алфавите, то есть «и».

7

Унабомбер (от англ. «university and airline bomber» – «подрывник университетов и авиалиний») – прозвище, данное ФБР талантливому математику и технику Теодору Джону Казински (Качински), который обратился к террору и в 1970–1990-х гг. рассылал по почте взрывные устройства, рассматривая это как «революционное действие против индустриальной системы» (его собственная формулировка).

8

Роман Ричарда Кондона (1959) на тему подчинения сознания людей для использования их в глобальных политических акциях; дважды экранизирован в Голливуде (1962-й и 2004-й).

9

Хельсинкский синдром – правильно стокгольмский синдром – синдром идентификации с агрессором, привязанность, возникающая у жертвы по отношению к агрессору в состоянии сильного шока.

10

Речь идет о фильме М. Бэя «Скала» (1996).

Купити: https://tn.knigapoisk.com/richards_duglas/kvantovoe-zerkalo

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)